

ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ,

ГОДЫ УЧЕНЬЯ И УЧИТЕЛЬСТВА

— в —

ТРОИЦКОЙ ЛАВРСКОЙ СЕМИНАРИИ

МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

(1782 — 1808 г.)

съ его портретомъ, факсимиле его письма къ родителю въ стихахъ
и видомъ дома, гдѣ онъ родился.

Протоіеря Александра Спирнова.

Законоучителя 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса.

МОСКВА.

Типографія Т. И. Гегенъ, Большая Лубянка, домъ кн. Голицына.
1893.

Григорий М. Московский

10. ДА

356

ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ,

ГОДЫ УЧЕНЬЯ И УЧИТЕЛЬСТВА

— в —

ТРОИЦКОЙ ЛАВРСКОЙ СЕМИНАРИИ

МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

(1782 — 1808 г.)

съ его портретомъ, факсимиле его письма къ родителю въ стихахъ и
видомъ дома, гдѣ онъ родился.

Протоіеря Александра Смирнова,

Законоучителя 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса.

МОСКВА.

Типографія Т. И. Гагенъ, Большая Лубянка, домъ кн. Голицына.

1893.

ЕВ_1893_BAN_2AK_00000127

ИЗВ. № 98667

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 30-го ноября
1892 года. Цензоръ Священникъ Григорій Дворченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

19-го ноября 1892 г. исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня кончины приснопамятнаго Филарета, митрополита Московскаго.

Перенесемся мысленно къ этому событію, сопровождавшемуся великою скорбію не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи, даже во всемъ православномъ мірѣ. Припомнимъ, что говорилось и писалось подъ живымъ впечатлѣніемъ этой утраты какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами. Потеря эта казалась столь огромною, значеніе всей личности почившаго столь великимъ, что первое время послѣ нея даже люди, сильные умомъ, сознавали себя какъ бы безсильными приняться за ихъ оцѣнку. „Нѣтъ слова довольно сильнаго, чтобы изобразить неизмѣримую великость утраты, понесенной въ лицѣ митрополита Филарета церковію московскою, церковію всероссійскою, всею православною восточною церковію. Нѣтъ ума столь глубокаго, чтобы исчерпать шестидесятилѣтнюю, изумительно - благотворную и разнообразную дѣятельность преставившагося святителя. Нѣтъ знанія столь обширнаго, которое могло бы объять все содержаніе этой дѣятельности, большею частію сокровенной и только въ необходимыхъ случаяхъ являвшейся міру. И какъ бы кто ни усиливался изобразить свойства и дѣянія преставившагося святителя, никакое изображеніе не будетъ вполне достойно его великой памяти: все будетъ блѣдно, скудно, убого. Удобѣе молчаніе, благоговѣйное, молящееся“. Такъ писалъ въ то время профессоръ Московской Духовной

Академіи А. Θ. Лавровъ-Платоновъ (впослѣдствіи высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій) въ своей статьѣ: „Памяти Филарета, митрополита Московскаго“.

Подобное же сужденіе по поводу кончины митрополита Филарета высказываетъ въ 1-мъ № только что появившейся тогда газеты „Современныя Извѣстія“ редакторъ ея Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, бывший прежде также профессоромъ Московской Духовной Академіи. „Разбирать необыкновенное явленіе, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, говорить онъ, было бы теперь не къ мѣсту и не ко времени. Смерть замѣчательныхъ дѣятелей оставляетъ послѣ себя всегда пустоту, и пустота эта первоначально только ощущается. Время оцѣнки наступаетъ послѣ, и тѣмъ позднѣе, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ дѣятельности умершаго, чѣмъ долговременнѣе была его дѣятельность и чѣмъ она была усиленнѣе; а къ митрополиту Филарету прилагается все это въ высшей степени“.

Если и рѣшались говорить въ память великаго святителя, то или—во имя „чувства смятеннаго величіемъ скорби, которое, не повинуваясь яснымъ указаніямъ разума, просило посильнаго, хотя бы и убогаго слова, слова благодаренія, слова благоговѣнія, слова удивленія, слова скорби, слова молитвы“¹⁾, или вообще—во имя справедливости, чтобы всенародно засвидѣтельствовать, „что митрополитъ Филаретъ былъ историческое явленіе необыкновенное, и что потеря его громадна“²⁾.

Много прекрасныхъ словъ и рѣчей, исполненныхъ искреннихъ чувствъ любви и благодарности, сказано было надъ гробомъ митрополита Филарета въ печальные дни его погребенія³⁾. Лучшіе духовные витія продолжали чествовать его словомъ и послѣ, въ сороковой день по кончинѣ⁴⁾,

¹⁾ См. вышеук. статью „Памяти Филарета, митр. Моск.“.

²⁾ См. тотъ же 1-й № „Совр. Извѣстій“, 1867 г. 1-го декабря.

³⁾ Слова эти изданы отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Памяти въ Бозѣ почившаго архипастыря Московскаго митрополита Филарета“.

⁴⁾ Слова протоіерея А. І. Ключарева (нынѣ высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій) и Ф. А. Сергіевскаго, профессора Московской Духовной Академіи.

въ день, годичнаго поминовенія ¹⁾ и нарочито по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія ²⁾).

Наиболѣе уважаемые свѣтскіе писатели какъ бы соревновали духовнымъ въ изображеніи достоинствъ и въ признаніи заслугъ почившаго Іерарха... „Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная, сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извиѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народнои почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое, историческое достояніе Москвы, ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ. Каѳедра московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудеть пусто... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всеѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка и болѣе полвѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ“. „Русская церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всеѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской

¹⁾ Слово протоіерея А. І. Ключарева.

²⁾ Слово—архимандрита Григорія, протоіереевъ В. П. Нечаева (нынѣ преосвященный епископъ Костромскій), А. И. Соколова и П. А. Смирнова.

церкви, ея представитель, предстоятель и предстатель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства),—въ теченіи же полувѣка былъ онъ и „свидѣтельствуй“ о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходить въ могилу дѣлая историческая эпоха,—на смѣну ей движется эпоха новая“ .. „Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени“.

Такъ писалъ въ газетѣ „Москва“ ея высокоуважаемый издатель И. С. Аксаковъ по поводу кончины святителя Филарета. Слова эти были вѣрнымъ отголоскомъ печальныхъ чувствъ всего русскаго народа и особенно жителей Москвы, которые проявили ихъ въ то знаменательное время столь искренно и задушевно, что свидѣтели, люди благоразсудные, невольно спрашивали себя: „Когда и гдѣ это происходитъ? Въ первые вѣка христіанства? Въ Константинополь? Въ Кесаріи? Въ Александріи?“ и, отвѣчая, что „все это происходило въ Москвѣ, и въ наше время, такъ недавно“, резюмировали свое впечатлѣніе такъ: „Если бы все, чему мы были очевидными свидѣтелями, случилось въ давнія времена, и мы прочитали разсказъ объ этомъ въ лѣтописяхъ Церкви: мы назвали бы счастливыми современниковъ мужа, послѣдніе дни жизни и кончина котораго озарилась такою необычайною духовною славой“ ¹⁾.

Петербургская печать также раздѣляла чувства общаго сѣтованія по поводу кончины митрополита Филарета и присоединилась къ справедливой оцѣнкѣ его высокихъ достоинствъ и заслугъ, какъ это видно изъ статей „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Сѣверной Почты“, посвященныхъ памяти великаго Московскаго святителя.

Какъ ни много словъ и рѣчей, отзывовъ и сужденій посвящено было памяти митрополита Филарета вскорѣ послѣ его кончины, но всѣми сознавалась тогда невозможность попытки возстановить его цѣлый образъ и отчасти ея не-

¹⁾ Изъ Слова протоіерея А. И. Ключарева на сороковой день по кончинѣ митрополита Филарета.

своевременность. Даже спустя пятнадцать лѣтъ послѣ кончины митрополита Филарета, по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня его рожденія, И. С. Аксаковъ писалъ въ своей „Руси“: „величавый образъ Филарета, болѣе полувѣка осѣнявшій русскую церковь и съ нею и всю Россію, не только не умалился съ теченіемъ времени, а какъ будто еще болѣе выросъ, *ничѣмъ и никѣмъ досель не заслоненный*, такъ что даже не вмѣщается вполнѣ сознаниемъ современниковъ ¹⁾“. По сему было вполнѣ естественно, что первое время по кончинѣ святителя главнѣйше озабочивались воспоминаніемъ частныхъ его болѣе чѣмъ полувѣковой церковной, общественной и государственной жизни, приведеніемъ въ извѣстность того многого, что имъ было сдѣлано, написано, сказано. И нужно сказать по справедливости, что въ этомъ отношеніи, за истекшее двадцатипятилѣтіе со дня кончины митрополита Филарета, было сдѣлано не мало. Ранѣе другихъ матеріаловъ о митрополитѣ Филаретѣ вышли въ свѣтъ „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго“, составленныя извѣстнымъ почитателемъ его Н. В. Сушковымъ. Затѣмъ общество любителей духовнаго просвѣщенія, будучи проникнуто признательностію къ митрополиту Филарету, какъ своему основателю и руководителю на первыхъ порахъ его существованія, издало въ память столѣтія со дня рожденія его сборникъ въ двухъ томахъ, изъ коихъ въ первомъ содержатся собственные распоряженія митрополита Филарета по управленію Московскою паствою, извлеченныя изъ дѣлъ архива Московской Духовной Консисторіи и указовъ Св. Правительствующаго Синода, а во второмъ — слова, рѣчи и статьи, посвященныя памяти митрополита Филарета и обзорѣвающія его дѣятельность съ различныхъ сторонъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать солидный трудъ высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, издавшаго съ великимъ тщаніемъ и основательными и примѣчаніями пять томовъ (собственно восемь томовъ, такъ какъ 2-я часть V-го тома не уступаетъ по размѣру остальнымъ томамъ, а два — одинъ касающійся дѣлъ Православной Церкви на Востокъ и другой дополнительный — по-

¹⁾ См. „Русь“ 1883 г. № 2.

ставлены вѣ счета) „Собранія мѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“. Заслуживаютъ упоминанія также труды профессора Московской Духовной Академіи И. Н. Корсунскаго, который, кромѣ двухъ статей, помѣщенныхъ имъ въ Филаретовскомъ сборникѣ, о подвигахъ митрополита Филарета въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ и о его катихизисахъ, помѣстилъ еще цѣлый рядъ статей въ духовномъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1884—1889 г.), обзорѣвающихъ проповѣдническую дѣятельность Филарета за разные ея періоды, а въ свѣтскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ (1884 г. Ноябрь) статью: „Лица митрополита Филарета“. Его же перу принадлежатъ брошюры: „Дѣятельность Филарета, митрополита Московскаго, въ холеру 1830 г.“ и „Возсоединеніе униатовъ и Филаретъ митрополитъ Московскій“. Достопочтенный Андроніевскій о. архимандритъ Григорій много потрудился надъ изданіемъ въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ резолюцій митрополита Филарета по епархіальнымъ дѣламъ и съ великимъ уваженіемъ къ памяти почившаго сообщилъ свои воспоминанія о немъ. Много статей о митрополитѣ Филаретѣ помѣщено было и въ другихъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Появились цѣлыя системы, составленныя по твореніямъ митрополита Филарета, какъ напр.: „Догматическое Богословіе“, составленное священникомъ Городцевымъ, „Государственное ученіе митрополита Филарета“, содержащее въ извѣстномъ порядкѣ выборъ глубокихъ мыслей объ этомъ предметѣ изъ проповѣдей и другихъ произведеній митрополита Филарета—изданіе одного изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Работа по изслѣдованію твореній митрополита Филарета продолжается и до сихъ поръ и ея хватитъ еще на многіе годы. Въ духовномъ журналѣ „Странникъ“ печатается „Нравственное Богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита Московскаго“, свящ. Г. Вышеславцева. Издано очень много—до 10 томовъ—однихъ писемъ митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ, весьма важныхъ для характеристики его времени и его самого. Редакція журнала „Русская Старина“ въ нѣсколькихъ книжкахъ за 1885-й—(іюнь, іюль, октябрь,

декабрь) и за 1886-й—(май, август) годы сообщила не мало цѣнныхъ матеріаловъ о личной дѣятельности митрополита Филарета. Однимъ словомъ матеріаловъ для изученія разныхъ сторонъ церковно-общественной жизни за время митрополита Филарета и біографическихъ данныхъ о немъ собрано значительное количество, но цѣльной біографіи его, заслуживающей этого названія, или хотя біографическаго очерка нѣсколькихъ лѣтъ его жизни еще до сихъ поръ не появилось. „Записокъ о жизни и времени святителя Филарета“, принадлежащихъ перу извѣстнаго Сушкова, нельзя назвать полной и цѣльной его біографіей ¹⁾, во 1-хъ, потому, что въ большей части онѣ составлены еще при жизни Московскаго святителя и изданы слишкомъ скоро—почти тотчасъ послѣ его кончины, и уже въ силу этого далеко не отличаются полнотою, во 2-хъ, самыя біографическія свѣдѣнія о митрополитѣ Филаретѣ изложены въ нихъ довольно сбивчиво, нестройно—даже относительно хронологической послѣдовательности, не говоря уже о порядкѣ логическомъ. Онѣ имѣютъ значеніе не болѣе, какъ сыраго матеріала. Проявляя въ нихъ повсюду глубокое уваженіе, даже благоговѣніе къ памяти московскаго святителя, авторъ не мало трактуетъ въ нихъ также и о самомъ себѣ, о своемъ обращеніи на путь покаянія и вѣры при посредствѣ митрополита Филарета и рекомендованныхъ имъ духовныхъ руководителей. Самое цѣнное въ нихъ тамъ, гдѣ авторъ, пользовавшійся расположеніемъ и довѣріемъ Московскаго святителя, „передаетъ его живую рѣчь и говоритъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его слова“; но во всякомъ случаѣ научнымъ требованіямъ отъ жизнеописанія такого дѣятеля, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, Записки Сушкова далеко не удовлетворяютъ.

Между тѣмъ настоятельная потребность въ такой именно біографіи митрополита Филарета заявляетъ о себѣ все болѣе и болѣе, и наступившее двадцатипятилѣтіе со дня его кончины напоминетъ о ней все настойчивѣе и настойчивѣе. Такіе крупныя дѣятели, какимъ былъ митрополитъ

¹⁾ И самъ авторъ не считаетъ ихъ таковою. См. предисловіе къ нимъ.

Филареть, слишкомъ рѣдки и его вліяніе на всѣ стороны жизни его, равно какъ и послѣдующаго, не исключая и нашего времени, было слишкомъ велико, чтобы это духовное свѣтило могло потускнѣть въ нашемъ сознаніи, въ нашей памяти. Чѣмъ дальше, чѣмъ тверже, чѣмъ живѣе мы будемъ памятовать о тѣхъ, кто съ такою славою и честію для нашей церкви и для нашей родины руководилъ столь долгое время нашею духовною жизнью, тѣмъ нагляднѣе докажемъ, что мы заслуживали этихъ заботъ со стороны своихъ лучшихъ людей. Ихъ слава—наша слава; честь, воздаваемая имъ, есть свидѣтельство о нашей собственной духовной состоятельности. *Поминать наставниковъ, глаголавшихъ намъ слово Божіе и, взирающе на скончаніе ихъ жителства, подражать върѣ ихъ* есть къ тому же и завѣтъ апостольскій (Евр. XIII, 7). „Поистинѣ“, говорится въ словѣ¹⁾ на девятый день по кончинѣ митрополита Филарета, „лица всѣхъ званій найдутъ въ немъ добродѣтели, соотвѣтственныя ихъ состоянію, ибо онъ былъ образомъ для върныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, върою, чистотою (1 Тим. VI, 12)“.

„Пастыри, имъ руководимые, слышали слово его, всегда растворенное солю благодати, испрошенной имъ отъ Бога, видѣли въ немъ всѣ добродѣтели, наипаче ихъ сану пристойныя: благоговѣйность, трезвеніе ума и тѣла, мудрое врачеваніе недуговъ душевныхъ, неусыпную заботливость о всѣхъ ввѣренныхъ ему безъ изыятія“.

„Мужи, облеченные начальственнымъ величіемъ и славою, видѣли въ немъ при величіи смиреніе и благопривѣтливость ко всѣмъ, въ отношеніи же къ подчиненнымъ ему—снисхожденіе къ немощамъ ихъ до послѣдней степени, при внѣшней видимой истинно отеческой строгости“.

„Мужи, надѣленные отъ Бога богатствомъ земнымъ, не могли не видѣть въ немъ достойнаго приставника небеснаго Домовладыки, употреблявшаго ввѣренныя ему блага на дѣла благотворенія“.

„Обязавшіеся строгими обѣтами иноки знаютъ его бо-

¹⁾ О. Ректора Виоанской семинаріи, архимандрита Сергія (нынѣ высокопреосвященный архіепископъ Владимірскій).

дренность въ молитвѣ, воздержаніе, цѣломудріе, терпѣніе и среди самаго общества—пустынничество“.

Наконецъ всѣ христіане знаютъ его неизмѣнную любовь къ Господу Иисусу Христу и Его святой церкви, его непоколебимую преданность престолу и отечеству, точное исполненіе всякаго долга, возлагаемаго на него церковію и отечествомъ и вообще постоянное помышленіе о томъ, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. IV, 8)¹.

Подражаніе добродѣтелямъ почившаго святителя по мѣрѣ дарованныхъ каждому силъ есть какъ наша обязанность, такъ и лучшая дань любви къ нему“.

Но чтобы имѣть возможность подражать добродѣтелямъ почившаго святителя, — надобно имѣть предъ собою возможно полное изображеніе его жизни и дѣяній. Поколѣніе, лично знавшее доблестнаго архипастыря, уже значительно рѣдѣетъ; потомки ждуть начертанія живаго и цѣльнаго образа его въ письмени.

При этомъ невольно возникаетъ вопросъ: не должно ли послужить отчасти укоромъ для русской духовной науки и литературы то обстоятельство, что вышла уже въ свѣтъ біографія Московскаго митрополита Иннокентія ¹), а между тѣмъ настоящей біографіи его знаменитаго предшественника еще до сихъ поръ не появилось? А также—не говорить ли не въ пользу ихъ тотъ фактъ, что описанія жизни трехъ московскихъ митрополитовъ Платона, Филарета и Иннокентія, каковы бы они (т. е. описанія) ни были, составлены людьми свѣтскими ²), а не духовными или по крайней мѣрѣ принадлежащими къ духовному вѣдомству?

Намъ думается, оба эти обстоятельства можно удовлетворительно объяснить безъ ущерба для достоинства и чести русской духовной науки и литературы.

Во 1-хъ, приняться за біографію митрополита Иннокентія было гораздо легче, чѣмъ за біографію митрополита

¹) Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій—Ивана Барсукова. Москва. 1883 г.

²) Снегиревымъ, Сушковымъ и Барсуковымъ.

Филарета; потому, что жизнь перваго не такъ сложна, не такъ разнообразна и—скажемъ по справедливости—не такъ богата вліяніемъ, какъ жизнь послѣдняго. Во 2-хъ, люди свѣтскіе съ меньшею отвѣтственностію и съ большимъ дерзновеніемъ могли взяться за описаніе жизни знаменитыхъ московскихъ архипастырей, и требованія въ этомъ отношеніи могли быть предъявлены къ нимъ со стороны читающей публики иныя, чѣмъ къ лицамъ духовнымъ или принадлежащимъ къ духовному вѣдомству. Это понятно само собою и не требуетъ разъясненій. Самое почтеніе и уваженіе къ памяти доблестныхъ архипастырей, боязнь не сказать о нихъ слишкомъ малаго или наоборотъ излишняго могли и должны были удерживать духовныхъ писателей отъ всякаго поспѣшнаго и неосторожнаго шага въ этомъ отношеніи.

Что касается собственно біографіи митрополита Филарета, то затрудненія къ составленію ея заключаются отчасти въ недостаткѣ біографическихъ данныхъ, особенно относительно перваго, ранняго періода его жизни, зависѣвшемъ въ нѣкоторой степени отъ самаго митрополита Филарета. По глубокому, истинно христіанскому смиренію своему, какъ извѣстно, онъ отказывалъ въ сообщеніи біографическихъ данныхъ о себѣ лицамъ, просившимъ его о сообщеніи ихъ еще задолго до его кончины. Когда въ 1822 году извѣстный Грець просилъ у него матеріаловъ для его біографіи, онъ отвѣчалъ: „Настоящую біографію трудно написать рано, а еще труднѣе свою написать безпристрастно. Если вамъ угодно имѣть мою краткую біографію отъ меня: то вотъ она. Худо былъ ученъ; хуже учился; еще хуже пользуюсь тѣмъ, чему былъ ученъ и учился“¹⁾. Кромѣ того онъ былъ чрезвычайно остороженъ въ мысляхъ и словѣ, даже въ перепискѣ съ самыми близкими родными боялся довѣрять бумагѣ свѣдѣнія о личной своей жизни и имѣлъ обычай получаемыя имъ письма тотчасъ по отвѣтѣ уничтожать²⁾ и иногда предавать огню свои собственныя уже написанныя вполнѣ³⁾

¹⁾ Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1872 года, іюнь стр. 114.

²⁾ См. письмо къ родителю № 162.

³⁾ См. письмо къ род. № 75.

или наполовину ¹⁾). Такимъ образомъ погибло много данныхъ, которыя могли имѣть цѣну для его біографіи. И изъ писемъ его къ роднымъ, уже отправленныхъ по назначенію, къ сожалѣнію, сохранились не всѣ ²⁾).

Особенно цѣнны, по нашему мнѣнію, біографическія данныя, касающіяся перваго, ранняго періода жизни митрополита Филарета. Въ нихъ сокрытъ главный ключъ къ разумѣнію его будущаго величія, въ нихъ заключаются главные указанія для освѣщенія того пути, какимъ онъ шелъ постепенно отъ силы въ силу, пока не сдѣлался великимъ свѣтиломъ церкви русской. Само собою разумѣется, что на такихъ людей, какъ митрополитъ Московскій Филаретъ, мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на особыхъ избранниковъ, которыхъ посылаетъ Верховный Правитель міра для исполненія судебъ Своихъ сообразно съ требованіями времени (Сир. X, 4). Но безспорно также, что весьма важное значеніе въ жизни подобныхъ людей имѣютъ среда, обстановка и тѣ пособія, которыми они могли воспользоваться для развитія своихъ талантовъ и для подготовленія къ предназначенной имъ высокой миссіи. Апостолъ Павелъ былъ избранный сосудъ благодати, но и ему, какъ извѣстно, много помогло полученное имъ разностороннее образованіе въ наукахъ духовныхъ и вѣщныхъ.

Обладая нѣкоторыми данными о первомъ періодѣ жизни митрополита Филарета, доселѣ неизвѣстными, и тщательно собравъ уже извѣстныя, я, вполне сознавая важность ихъ для біографіи митрополита Филарета, рѣшился познакомить съ ними почитателей его памяти. Прошу снисходительно отнестись къ моей попыткѣ и, если что найдено будетъ не полнымъ или не точнымъ, не оставить меня соотвѣтственными указаніями. Всякое дѣльное замѣчаніе на этотъ счетъ будетъ принято мною съ искреннею благодарностію.

Авторъ.

¹⁾ См. письмо къ род. № 125.

²⁾ Какъ это видно напр., изъ письма къ род. № 109-й.

ГЛАВА I.

Историческія свѣдѣнія о родинѣ митрополита Филарета — городъ Коломна. Мѣстоположеніе города. Значеніе Коломны въ прежнее время. Коломенская епархія и ея архіереи. Древнее благочестіе жителей Коломны.

Благословенной родиной митрополита Филарета былъ городъ Коломна, — находящійся въ ста верстахъ отъ Москвы къ Востоку, городъ древній, богатый преданіями и легендами какъ относительно имени и происхожденія его, такъ и относительно событій дальнѣйшаго его существованія.

Существуетъ нѣсколько сказаній и мнѣній относительно происхожденія названія города Коломны ¹⁾, но вѣроятнѣйшимъ должно считать мнѣніе, что городъ получилъ названіе отъ слова „коло“ — около, означающаго рубежъ, предѣлъ, — данное для обозначенія города порубежнаго, пограничнаго, такъ какъ далѣе его къ Востоку слѣдовали инородческія селенія ²⁾.

Время основанія города Коломны въ точности неизвѣстно; но объ ней упоминается уже въ лѣтописяхъ въ 1176 году, какъ принадлежавшей Рязанскому княжеству. Съ 1307 года Коломна вошла въ составъ удѣловъ Московскаго княжества ³⁾.

Какъ въ порубежномъ городѣ, здѣсь собирались походы русскихъ князей для отраженія нападений на Москву ино-

¹⁾ Такъ есть народное преданіе, будто городъ названъ Коломною отъ того, что преподобный Сергій проходилъ нѣкогда чрезъ городъ и его прогнали „коломъ“, послѣ чего онъ нашелъ себѣ убѣжище въ близлежащемъ Голутвицѣ монастырѣ — преданіе невѣроятное и само по себѣ и къ тому же грѣшащее анахронизмомъ, такъ какъ Коломна несомнѣнно существовала по меньшей мѣрѣ двумя, а то и всѣми тремя стами лѣтъ раньше времени преподобнаго Сергія. Есть еще преданіе, что городъ основанъ въ 1107 г. какимъ то италіанскимъ выходцемъ Карломъ Колонною и отъ его фамиліи получилъ свое названіе. Вѣроятно на основаніи этого преданія данъ городу впослѣдствіи (императрицею Екатериною II) гербъ, представляющій собою Колонну. Этому преданію между прочимъ давалъ вѣру Карамзинъ, но оно слишкомъ искусственно, чтобъ быть правдоподобнымъ.

²⁾ Таково мнѣніе Н. П. Гилярова-Платонова. См. книгу его: „Изъ пережитаго“.

³⁾ См. статью свящ. Н. Маркова „Коломенская епархія“ въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1888 г., № 8-й.

родческихъ племень. Здѣсь святой преподобный Сергій благословилъ Дмитрія Донскаго идти на Мамая. По преданію въ Коломнѣ былъ и дворець Дмитрія Донскаго, при дворцѣ церковь Воскресенія Христова, соединенная съ нимъ крытымъ переходомъ. Въ этой церкви будто бы онъ и вѣнчался съ княгиней Суздальской Евдокіей въ 1366 г., на 18-мъ году своей жизни, въ 6-й годъ княженія.

На случай нападенія враговъ городъ имѣлъ укрѣпленія — сначала деревянныя, но при Василии Іоанновичѣ, сынѣ Іоанна III, городъ обнесенъ каменною стѣною съ нѣсколькими башнями. Повднѣ тамъ былъ дворець Іоанна IV, который лѣтомъ иногда жываль въ немъ.

Въ продолженіе многолѣтней своей жизни городъ Коломна неоднократно подвергался нашествіямъ враговъ, не разъ выгораль и обстроивался вновь. Въ одной изъ башенъ Коломенскаго кремля укрывалась нѣсколько времени Марина Мнишекъ, бѣжавшая съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ изъ Калуги послѣ убіенія тамъ въ 1610 г. Тушинскаго вора.

Въ настоящее время сохранилась только часть крѣпостной стѣны; уцѣлѣло также нѣсколько башенъ и одни ворота съ иконописью на нихъ и съ лампадой ¹⁾.

Мѣстоположеніе города нельзя не признать удобнымъ и довольно живописнымъ. Онъ расположенъ на Москвѣ-рѣкѣ, въ трехъ верстахъ впадающей въ Оку. Очень красивъ видъ его со стороны Кремля на противоположную сторону Москвы-рѣки, гдѣ стоитъ Бобреньевъ монастырь. Мѣсто при впаденіи Москвы-рѣки въ Оку также отличается живописностію. Здѣсь открывается широкая красивая панорама за-окской стороны, принадлежащей къ Рязанской губерніи.

Благодаря своему удобному положенію вблизи двухъ судоходныхъ рѣкъ, рано сдѣлавшись сторожевымъ городомъ, Коломна вскорѣ пріобрѣла немаловажное торговое (по торговлѣ хлѣбомъ, саломъ, гуртами скота) значеніе, а также сдѣлалась значительнымъ центромъ церковно-религіозной жизни. Въ городѣ съ давнихъ поръ находится около двадцати церквей, въ немъ и близъ него нѣсколько монастырей,

¹⁾ См. книгу Гилярова-Платонова „Изъ Пережитаго“.

изъ коихъ одинъ Старо-Голутвинъ сохраняетъ въ себѣ святыню — посохъ преподобнаго Сергія.

Коломна въ прежнее время была городомъ епархіальнымъ, имѣла своихъ архіереевъ, именованныхъ Коломенскими и Каширскими (а потомъ Коломенскими и Тульскими), свою консисторію и семинарію. Начало учрежденія Коломенской епархіи, согласно заключеніямъ большей части историковъ, относится къ половинѣ XIV вѣка ¹⁾. Всѣхъ епископовъ коломенской епархіи за все время ея существованія было болѣе сорока. Изъ нихъ многіе извѣстны своими высокими достоинствами и участіемъ во многихъ важныхъ событіяхъ исторіи церкви и отечества ²⁾. Митрополитъ Филаретъ любилъ вспоминать о позднѣйшихъ Коломенскихъ архіереяхъ, преданіе о которыхъ еще свѣжо было въ Коломнѣ во время его дѣтства и юности. Такъ хорошую память оставилъ по себѣ въ Коломнѣ епископъ Θεодосій (Михайловскій), занимавшій Коломенскую кафедру въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія и отличавшійся любовью къ просвѣщенію и подвижническою жизнію. Преданіе о немъ говоритъ, что, при жизни отличаясь смиреніемъ и прочими подвигами благочестія, онъ завѣщаль похоронить себя на паперти церковной, при входѣ въ нее, чтобы проходящіе попирали тѣло его. Составилось мнѣніе о немъ какъ о святомъ мужѣ. Двухъ послѣднихъ архипастырей отрокъ и юноша Дроздовъ, надобно думать, засталъ еще на Коломенской кафедрѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ митрополитъ Филаретъ всегда отзывался о послѣднемъ ³⁾ Коломенскомъ архипастырѣ Меодіи (Смирновѣ), переведенномъ потомъ послѣдовательно въ Тулу, Тверь, Ярославль, Псковъ, гдѣ онъ и закончилъ свое святительское служеніе въ санѣ архіепископа и въ званіи Синодальнаго члена. Онъ славился

¹⁾ Мнѣнія эти собраны въ статьѣ свящ. Н. Маркова. См. чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1888 г. № 8.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Нѣкоторые, въ томъ числѣ С. К. Смирновъ (см. статью его „Учитель Троицкой семинаріи В. М. Дроздовъ“ въ „Совр. Лѣт.“ 1867 г. № 44) послѣднимъ Коломенскимъ епископомъ считаютъ Аванасія (Иванова); но это не вѣрно: онъ былъ предпослѣднимъ Коломенскимъ епископомъ. См. ст. свящ. Н. Маркова „Коломенская епархія“.

большою ученостію и начитанностію, знаніемъ древнихъ языковъ, особенно латинскаго, и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Имъ составлена на латинскомъ языкѣ краткая церковная исторія первыхъ трехъ вѣковъ съ обширнымъ впрочемъ и основательно обработаннымъ введеніемъ ¹⁾. Извѣстно также сочиненіе его о Флорентійскомъ соборѣ ²⁾. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ему придется авторитетнымъ словомъ своимъ защитить юнаго Филарета отъ обвиненій въ неправомысліи.

Подъ руководствомъ своихъ достойныхъ архипастырей богохраняемая Коломенская паства достигла значительной высоты развитія въ ней духовно-религіозной жизни. Жители Коломны издревле отличались разнообразными христіанскими добродѣтелями. Самъ знаменитый уроженецъ Коломенскій, митрополитъ Филаретъ, восхваляетъ въ нихъ „и чистое исповѣданіе вѣры, ими содержимое и святыми ея таинствами въ нихъ запечатлѣваемое, и древнее благочестіе, плодоношеніемъ и добродѣяніемъ во святыхъ храмахъ и дѣлами челоуколюбія, до нынѣ между ними свидѣтельствуемое ³⁾.“ Такова почва, на которой увидѣлъ свѣтъ будущій великій святитель московскій, такова среда, гдѣ онъ воспринялъ первыя жизненныя впечатлѣнія!

Г Л А В А II.

Предки митрополита Филарета по отцу и по матери. Его отецъ и мать. Рожденіе митрополита Филарета. Опредѣленіе его родителя на священническое мѣсто и переселеніе изъ дома тестя въ собственный домъ. Первоначальная жизнь его родителей на новомъ мѣстѣ и нѣкоторыя подробности объ устройствѣ ихъ домашняго быта. Младенческая пора жизни будущаго митрополита Московскаго.

Переходя къ повѣствованію о непосредственныхъ виновникахъ бытія будущаго знаменитаго митрополита Московскаго, мы должны предварить, что предки его происходили всѣ изъ духовнаго званія, не были знамениты ни богат-

¹⁾ См. Сушкова „Записки о жизни и времени святителя Филарета“ стр. 30.

²⁾ См. Знаменскаго „Руковод. къ Русск. Церк. ист.“ стр. 529.

³⁾ См. слово митрополита Филарета въ недѣлю дванадесятую, при посвѣщеніи города Коломны. Т. III, стр. 400.

ствомъ, ни славой. О немъ по всей справедливости можно сказать, что онъ носилъ свое родословное древо въ самомъ себѣ. Но, не будучи славны земнымъ величіемъ, родные его, какъ по отцу, такъ и по матери, отличались многими внутренними достоинствами. Его прапрадѣдъ по отцу, Игнатій Дроздовъ, былъ причетникомъ, по невысокое званіе церковное не помѣшало ему дать такое воспитаніе и направление своимъ сыновьямъ, что они достигаютъ священства. Изъ нихъ о Ѳеодорѣ Игнатьевичѣ (отецъ Михаила Ѳеодоровича и дѣдъ Василя Михайловича Дроздова), извѣстно по воспоминаніямъ внука, что, прослуживъ нѣкоторое время съ честію въ должности приходскаго священника¹⁾, и будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика; видали его только въ церкви. Не имѣя, по скудости, часовъ, онъ опредѣлялъ время келейной молитвы своей (3 раза въ день) горѣніемъ церковной восковой свѣчки²⁾. Скончался 1799 г. іюня 3-го числа, въ самую полночь, въ Воскресенье, 73 лѣтъ³⁾.

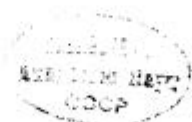
Другой его дѣдъ, по матери, Никита Аванасьевичъ былъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ Богоявленской, въ Коломнѣ, церкви. Не будучи, повидимому, особенно свѣдущимъ въ наукахъ, онъ отличался благоговѣйнымъ и ревностнымъ служеніемъ церкви, что проявилъ между прочимъ въ томъ, что, заботясь о вразумленіи старообрядцевъ, составлялъ выписки изъ разныхъ рукописей и книгъ съ цѣлю опроверженія ихъ заблужденій и обращенія ихъ на путь истины⁴⁾.

¹⁾ Сушковъ, составитель „Записокъ о жизни и времени митрополита Филарета“, говоря, что дѣдъ его по отцу былъ протоіереемъ Богоявленской, въ Коломнѣ, церкви, по всей вѣроятности, смѣшиваетъ его съ дѣдомъ по матери, который былъ дѣйствительно протоіереемъ означенной церкви. См. стр. 28.

²⁾ См. Сушкова „Записки“ стр. 28—29.

³⁾ Такъ гласитъ записная книжка отца митрополита Филарета.

⁴⁾ См. Письмо митрополита Филарета къ роднымъ № 193.

Видъ дома, въ которомъ родился Митрополитъ Филаретъ, въ Коломнѣ,
близь церкви Богоявленія.

Супруга его Домника Прокопьевна также отличалась своимъ благочестіемъ и была примѣрной хозяйкой, умѣвшей вести домоводство по старинѣ, каковое умѣнье вмѣстѣ съ прочими добрыми качествами передала и дочери своей — матери будущаго московскаго владыки.

Родитель Василя Михайловича Дроздова, Михайль Ѳеодоровичъ, проведя восемь лѣтъ ученья въ Коломенской семинаріи ¹⁾, по окончаніи курса въ оной, опредѣленъ былъ въ 1780 г. октября 15 учителемъ той же семинаріи на заправную аналогію и инфиму, а въ 1781 году сентября 1 числа переведенъ на синтаксиму и грамматику. Въ слѣдующемъ (1782) году, 10 генваря, будучи еще очень юнымъ, онъ женился и того же года февраля 6 числа посвященъ въ діакона Коломенскаго кафедральнаго собора съ сохраненіемъ должности учителя семинаріи ²⁾.

Родительница Василя Михайловича Дроздова Евдокія Никитична вышла замужъ также въ очень юныхъ лѣтахъ, когда ей еще не было и 16-лѣтъ.

Первое время молодой діаконъ Коломенскаго собора и учитель семинаріи Михайль Ѳеодоровичъ не имѣлъ собственнаго дома и жилъ у своего тестя, священника Богоявленской церкви. Здѣсь родился и первый его сынъ, нареченный въ честь св. Василя Великаго Васиіемъ, впоследствии Филаретъ митрополитъ Московскій, 1782 г., съ 25 числа декабра на 26-е, въ 5-мъ часу пополуночи ³⁾. Крещеніе младенца было совершено въ Богоявленской церкви 1 января 1783 года. Восприемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, восприемницей — ба-

¹⁾ Въ записной книжкѣ его сказано: 1772 года марта 9-го числа взятъ въ школу, того же года сентября 3 числа переведенъ въ аналогію, 1773 года генваря 1 переведенъ въ инфиму, того жъ года сентября 5 дня переведенъ въ грамматику, 1774 года переведенъ въ синтаксиму, генваря 10 числа, того же года, сентября 1 числа, переведенъ въ риторику; риторику съ краткою поэзіею слушалъ 3 года; философію—два, богословію семь мѣсяцевъ; богословію окончилъ 1780 г., апрѣля 8 дня.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Такъ опредѣлено время рожденія митрополита Филарета въ записной книжкѣ его отца.

бушка его по матери, жена іерея Никиты Аванасьева, Домника Прокопівна ¹⁾

По словамъ матери этотъ благословенный сынъ ея родился двумя недѣлями ранѣе, чѣмъ слѣдовало. Причиной преждевременнаго рожденія сына было слѣдующее обстоятельство. Приближался праздникъ Рождества Христова. Тесть и зять, жившіе, какъ сказано, вмѣстѣ въ одномъ домѣ, отправились на рынокъ, чтобы, по старинному обычаю, закупить провизіи на двѣ праздничныя недѣли, поручивъ женской половинѣ разобрать и очистить чуланъ для помѣщенія покупки. Работа эта была исполнена главнымъ образомъ молодою невѣсткою въ послѣднемъ періодѣ беременности. Нужно было выносить, переставлять вещи довольно тяжелыя, мести, чистить на морозномъ воздухѣ. Получилось крайнее утомленіе силъ и сильнѣйшая простуда, вслѣдствіе которыхъ и послѣдовали преждевременные роды. Послѣ рожденія первенца мать дѣйствительно нѣкоторое время была тяжело больна, ее изнуряла лихорадка, и одно время думали даже, что у ней чахотка; собственнаго молока для кормленія сына было недостаточно, и молодая мать должна была, въ прибавленіе къ собственному, кормить его коровьимъ молокомъ. Это обстоятельство было причиной не малой скорби для матери. Навѣщавшія ее сосѣдки и знакомыя рѣзко осуждали ее за дополнительную пищу для сына и даже смѣялись надъ нею, говоря, что сынъ ея, вскормленный скотскимъ молокомъ, будетъ дуракомъ. Вспоминая внослѣдствіи, когда умъ ея сына удивлялъ всю Россію, объ этомъ предсказаніи Коломенскихъ кумушекъ, счастливая мать, дожившая до такой славы своего сына, умиленно радовалась и благодарила Бога за устроеніе его судьбы.

Въ должности соборнаго діакона, проживая въ домѣ тестя, отецъ Василя Дроздова прослужилъ только одинъ годъ: затѣмъ онъ опредѣляется на мѣсто священника Троицкой церкви въ Коломнѣ, что въ Ямской Слободѣ, — 6 февраля 1783 г. покупаетъ тамъ домъ „за сто тринадцать рублевъ“.

¹⁾ См. метрич. книгу Коломенской Богоявленской церкви за 1782 годъ. Декабрь, № 19, число 26.

того же года февраля 19 посвящается во іерея, а 27 февраля переходит на житье въ купленный домъ ¹⁾).

Поселившись въ такомъ, судя по цѣнѣ, далеко не роскошномъ жилищѣ, родители Василя Дроздова не малое время должны были упражняться въ школѣ терпѣнія и кротости. Какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе ихъ на новомъ мѣстѣ было довольно тяжелое. Они должны были переносить нерасположеніе къ себѣ прихожанъ, такъ какъ новое мѣсто было занято Троицкимъ іереемъ вопреки желанію прихожанъ, имѣвшихъ въ виду другаго кандидата и давно хлопотавшихъ о его назначеніи. Нерасположеніе прихожанъ выражалось въ холодности отношеній къ новому пастырю, въ сокращеніи до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ даяній за требы. Только впоследствии примѣрное исполненіе Троицкимъ іереемъ своихъ обязанностей, въ соединеніи съ должными духовными качествами его и его супруги, сломили предубѣжденіе прихожанъ, и они стали усердно заботиться объ ихъ благосостояніи, стараясь всемѣрно загладить свою прежнюю вину предъ ними ²⁾. Записная книжка Троицкаго іерея Михаила Дроздова, въ которую, кромѣ фамилныхъ свѣдѣній, заносимы были и разныя хозяйственныя замѣтки, свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя домашнія вещи были не только пріобрѣтены покупкою, но и принесены въ даръ отъ прихожанъ.

По переходѣ на новое мѣсто супруги Дроздовы довольно долгое время обзаводятся предметами самой первой необходимости. Молодой іерей, судя по записной его книжкѣ, заявляетъ себя заботливымъ хозяиномъ, умѣвшимъ домъ свой добрѣ правити, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нея видно, что не одни только матеріальные интересы занимаютъ его вниманіе, но главнымъ образомъ духовные. Какъ настоятель Троицкой церкви онъ находить нужнымъ имѣть въ своемъ домѣ образъ св. Троицы, за написаніе котораго уплачиваетъ живописцу 15-ть рублей, да за доску, на которой писанъ образъ, 80 к. Какъ усердный вѣрнопопданный и патріотъ

¹⁾ Числа эти означены въ записной книжкѣ отца митрополита Филарета.

²⁾ См. Сушкова „Записки о жизни и времени митр. Филарета“. Стр. 30 и приложеніе къ нимъ № XVII.

приобрѣтаетъ десять портретовъ „Владѣющей фамиліи (т. е. Особь Царствующаго Дома)“ цѣною за шесть рублей. Какъ человѣкъ, получившій довольно значительное по тому времени образованіе и состоящій въ должности учителя семинаріи ¹⁾ онъ озабоченъ составленіемъ домашней библіотеки, которая потомъ достигаетъ довольно значительныхъ размѣровъ ²⁾. Изъ случайныхъ упоминаній о ней впоследствии самого митрополита Филарета видно, что среди составлявшихъ ее книгъ есть и письма Плинія, и руководство по философіи Винклера, и сочиненія—должно быть богословскія—какого-то іезуита. Все это—нища, которою впоследствии усердно и съ пользою будетъ питаться первенецъ—сынъ, но теперь покуда всѣ заботы родителей его обращены на его физическое воспитаніе.

Когда родители Дроздовы переселились въ собственный домъ, ихъ первенцу сыну исполнилось два мѣсяца жизни. Вслѣдствіе преждевременнаго рожденія и болѣзни матери во время рожденія и вскормленія младенца, онъ было вообще некрѣпкаго тѣлосложенія и во всю послѣдующую свою долгую жизнь, какъ извѣстно, не пользовался хорошимъ здоровьемъ. Будучи дитятей, онъ плохо спалъ по ночамъ и, если засыпалъ, то всегда просыпался очень рано—до заутрени. Бывало отецъ, отслуживши утреню и обѣдню, придетъ домой, подойдетъ къ колыбели сына и скажетъ ему: „Голубь ты мой безсонный, что ты не спишь“? Вѣроятно говорилось это очень часто, такъ что первое слово, которое онъ выучился говорить, было слово: *Голубь*.

ГЛАВА III.

Дѣтство В. М. Дроздова. Вліяніе на него дѣда и бабки по матери.
Дѣтскія игры и развлеченія.

Первые годы дѣтства, по вскормленіи молокомъ матери, проведены были В. М. Дроздовымъ большею частію въ домѣ

¹⁾ Въ должности учителя Коломенской семинаріи Михаилъ Теодоровичъ оставался, по словамъ его записной книжки, до 25-го Мая 1784 года, когда былъ уволенъ отъ нея по поданному прошенію.

²⁾ См. Письмо митроп. Филарета къ род. № 200-й.

его дѣдушки по матери, священника Богоявленной церкви Никиты Афанасьевича и бабушки Домники Проконіевны, гдѣ онъ и родился. Если судить по письмамъ къ нимъ уже взрослому и даже достигшему славы Филарета, вліяніе ихъ на него въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда душа бываетъ особенно воспримчива для впечатлѣній, было велико и благотворно. Это были люди простые, съ самымъ искреннимъ благочестіемъ. Больше времени и удобствъ для ухода за внукомъ, конечно, имѣла бабушка, тѣмъ болѣе, что она была и крестною его матерью, и нужно думать, что даровитый и впечатлительный мальчикъ съ такимъ же усердіемъ внималъ ея урокамъ, какъ нѣкогда св. Василій Великій—урокамъ бабки своей Макрины. По рассказамъ родныхъ извѣстно, что маленький Дроздовъ постоянно ходилъ съ бабушкой въ храмъ къ церковнымъ службамъ, живо подмѣчалъ при этомъ всѣ подробности богослуженія, плѣнялся его благолѣніемъ и красотою, оставаясь непремѣнно въ церкви до самаго конца церковныхъ службъ. Рассказываютъ, что, замѣчая, какъ при окончаніи богослуженія спускали съ высоты свѣщникъ, такъ называемый спускъ, для погашенія горѣвшихъ на немъ свѣчей, и потомъ снова поднимали его, при чемъ отъ погашенныхъ свѣчей исходилъ дымъ (копотъ), мальчикъ говорилъ бабушкѣ: „смотри, молитва къ Богу полетѣла“¹⁾. Когда приходили отецъ съ матерью, чтобы навѣстить своего сына, онъ всегда былъ очень радъ ихъ видѣть, по-дѣтски ласкался къ нимъ, но, когда наступало время имъ уходить и они предлагали ему идти съ ними домой, у него на глазахъ обыкновенно навертывались слезы, и онъ говорилъ: „я пошелъ бы съ вами, но мнѣ жаль оставить однихъ дѣдушку и бабушку; я пойду проводить

¹⁾ Въ запискѣ преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго, приложенной къ книгѣ Сушкова, говорится, что мальчикъ Дроздовъ ходилъ въ церковь съ матерью и къ ней обращался съ своимъ замѣчаніемъ на счетъ спуска и подниманія свѣщника. Болѣе вѣроятно, что все это происходило въ присутствіи бабушки: у матери его послѣ него было очень много дѣтей и ей не было времени часто ходить къ церковной службѣ; къ тому-же „мамой“ мальчикъ могъ называть и бабушку, такъ какъ она была его крестною матерью.

вась до уголочка", провожалъ и потомъ просилъ позволенія снова возвратиться подъ дѣдушкинъ кровъ.

Имѣя всегда предъ глазами пожилыхъ дѣдушку и бабушку, наблюдая ихъ степенный видъ и скромный образъ жизни, мальчикъ самъ легко поддавался подражанію имъ, незамѣтно отливался въ ту же форму, усвоивъ печать не дѣтской солидности, медлительности въ движеніяхъ, серьезности и разсудительности. Любимыми играми и развлечениями его въ раннемъ дѣтствѣ были: одѣяніе себя въ одежды, подобныя священническимъ, и подражаніе священнодѣйствію. Возьметъ бывало, рассказываютъ родные, платочекъ, завяжетъ себѣ его около шеи и начинаетъ пѣть что-либо или протяжно произносить; для подражанія кажденію привяжетъ какую либо тяжесть къ веревочкѣ и начинаетъ поводить ею взадъ и впередъ; бывало также, что, сидя на печкѣ, дѣлаетъ крестики изъ лучинокъ. Какъ извѣстно, преданіе сообщаетъ нѣчто подобное и о дѣтствѣ св. Аѳанасія Великаго. Само собою разумѣется, что занятіе этими играми, такъ сказать, религіознаго характера не исключало и другихъ забавъ и развлеченій, свойственныхъ дѣтскому возрасту. По рассказамъ мѣстныхъ жителей онъ игрывалъ съ сверстниками въ простыя дѣтскія игры, но немного, и изъ товарищей любилъ тѣхъ, которые охотно ему повиновались, или по кротости или по сознанию его превосходства ¹⁾.

ГЛАВА IV

Отрочество В. М. Дроздова. Обученіе его грамотѣ и первоначальный его духовный складъ. Поступленіе въ Коломенскую семинарію. Свѣдѣнія о Коломенской семинаріи. Курсъ преподававшихся въ ней наукъ. Наставники. Успѣхи и поведеніе Дроздова. Закрытіе Коломенской семинаріи. Общее сужденіе о значеніи впечатлѣній Коломны для юнаго Дроздова.

Съ наступленіемъ отрочества, когда нужно было учить мальчика грамотѣ, онъ оставляетъ кровъ своего дѣдушки и переселяется въ домъ родителей. Безъ сомнѣнія онъ часто и теперь еще гоститъ тамъ, гдѣ родился и провелъ свое дѣтство.

¹⁾ См. Записку пресвященнаго Леониды, епископа Дмитровскаго, приложенную къ книгѣ Сушкова подъ № XVII.

Можно думать, что обученіе грамотѣ не представляло большаго труда для даровитаго и прилежнаго отрока.

О духовномъ состояніи его за это время даетъ нѣкоторое понятіе видѣнный имъ тогда сонъ, которому онъ самъ послѣ, будучи уже митрополитомъ, придавалъ значеніе, а біографъ его Сушковъ представилъ извѣстное объясненіе. Вотъ разсказъ о немъ преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго, со словъ владыки митрополита, впрочемъ, какъ признается преосвященный Леонидъ, не точно удержанныхъ въ его (преосвященнаго Леонида) памяти. „Владыка разсказывалъ: мнѣ было лѣтъ 8, когда я видѣлъ сонъ, сохранившійся донынѣ въ моей памяти. Троицкая церковь, при которой батюшка былъ священникомъ, стояла на краю города, посреди площадки. Одна сторона площадки занята была домами причта: нашъ домъ, за нимъ дома діакона, причетниковъ, далѣе оврагъ, за оврагомъ поля. Весною оврагъ наполнялся водою, а лѣтомъ вода видна была лишь кое-гдѣ въ лощинкахъ. Я любилъ ходить по оврагу, потому что въ немъ были свѣтлыя камушки и я собиралъ ихъ. Вотъ и снится мнѣ, что я иду по оврагу и по мѣрѣ того, какъ иду, берега его становятся все выше и выше, круче и круче, а русло все уже и уже. Мною овладѣваетъ страхъ, хочется выдти, но не могу. Вдругъ вижу лѣстницу, приставленную къ крутизнѣ берега, и тотчасъ начинаю по ней подниматься; поднимаюсь, а подъ лѣстницею благовѣстятъ въ большой колоколъ. Удары колокола приводятъ меня въ новый страхъ; но я продолжаю всходить. Взшелъ: передо мною избушка. Вхожу, въ ней люди, спрашиваю: „какъ бы мнѣ выдти къ дому“. — Зачѣмъ тебѣ? „Мнѣ нужно домой“. — Мы тебя не пустимъ. „Почему?“ — Потому что мы хотимъ тебя убить. Отъ чрезвычайнаго страха я проснулся“. Въ этомъ снѣ дано было, по объясненію Сушкова, какъ бы предуказаніе всей будущей судьбы благословеннаго отрока ¹⁾). Невольно припоминается при этомъ подобный же сонъ, видѣнный въ отрочествѣ св. Кирилломъ, первоучителемъ славянскимъ!

20 декабря 1791 года, когда отроку Дроздову испол-

¹⁾ См. Сушкова „Записки о жизни и времени м. Филарета“ стр. 68 и приложеніе къ нимъ № XVII.

нилось 9 лѣтъ, онъ отданъ былъ учиться въ Коломенскую семинарію.

Семинарія была учреждена въ Коломнѣ въ 1739 году, при епископѣ Кипріанѣ (Скрыпичинѣ), бывшемъ ассессоромъ Свят. Синода, но до 1771 года, ученіе въ ней оканчивалось риторикой, а въ этомъ году епискомъ Θεодосій ввелъ преподаваніе философіи; въ слѣдующемъ году открытъ былъ и богословскій классъ, въ которомъ началъ преподавать извѣстный Іоакимъ Карпинскій, бывший ректоромъ семинаріи. Насколько Коломенская семинарія удовлетворяла своему назначенію, въ точности неизвѣстно; но если судить по недавнему существованію ея въ Коломнѣ и скудости отпускавшихся на содержаніе ея средствъ (казеннаго жалованья на семинарію положено было съ 1765 г. 816 рублей 93³/₄ копѣйки въ годъ, — съ 1784 г. положено было отпускать въ годъ 2000 рублей ¹), то нельзя думать, чтобы она была въ состояніи развивать особенно просвѣтительную дѣятельность. Она вѣроятно не отличалась отъ прочихъ довольно жалкихъ русскихъ духовныхъ школъ XVIII вѣка, за исключеніемъ развѣ Кіевской школы, Славяно-Греко-Латинской Академіи и Троицкой Лаврской семинаріи. Методъ преподаванія наукъ былъ общепринятый схоластическій; лекціи читались на латинскомъ языкѣ; учителя едвали всѣ были достаточно подготовлены къ своему дѣлу.

Въ Коломенской семинаріи Дроздовъ учился латинской грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, всеобщей исторіи, философіи, философской и естественной исторіи. Въ семинарской вѣдомости о немъ, когда онъ былъ студентомъ философіи, отмѣчено: „дарованій, прилежанія, успѣховъ похвальныхъ“ ²). Незадолго (въ 1799 г.) до закрытія Коломенской семинаріи служебный персоналъ въ ней былъ слѣдующій: Префектомъ былъ протоіерей Іоаннъ Покровскій, учителями: риторическаго и пѣтическаго класса — протоіерей Василій Протопоповъ, высшаго грамматическаго класса — Никифоръ Четрековскій,

¹) См. статью свящ. Н. Маркова „Коломенская епархія“, въ чт. общ. Люб. Дух. Просв. 1888 г., августъ, стр. 228.

²) См. справку при дѣлахъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за 1808 г. № 50.

низшаго грамматическаго класса — иподіаконъ Петръ Тріадскій, информаторомъ студентъ Богословія Иродіонъ Сергіевскій, письменнаго класса студентъ Богословія Теофилактъ Хитровъ ¹⁾. Свѣдѣній объ ихъ преподавательской дѣятельности, къ сожалѣнію, не сохранилось, но объ одномъ изъ нихъ, именно объ учителѣ философіи (не былъ ли имъ самъ префектъ?) митрополитъ Филаретъ въ воспоминаніяхъ своихъ отзывается какъ о человѣкѣ недостаточно компетентномъ, „котораго скудость могъ постигнуть и ученикъ даровитый“ ²⁾. Къ счастью ученикъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, благодаря природнымъ дарованіямъ, прилежанію, а также и библіотекѣ своего отца, могъ безъ ущерба для себя самостоятельно дополнять тѣ скудныя познанія, которыя сообщались въ философскомъ классѣ. Онъ тщательно просматривалъ книги своего отца и среди нихъ нашелъ руководство по философіи Винклера, знакомство съ которымъ, какъ увидимъ, окажетъ ему въ послѣдствіи значительную услугу въ положеніи довольно затруднительномъ.

Какъ успѣхи въ наукахъ, такъ и поведеніе сына могли только радовать его родителей. Рано пробудившееся въ немъ религіозно-молитвенное направленіе продолжаетъ развиваться и укрѣпляться. Онъ такъ же, какъ и въ дѣтствѣ, часто ходитъ въ церковь, такъ же искренно предается святымъ впечатлѣніямъ богослуженія съ тою только разницею, что глубже вникаетъ въ его смыслъ. Такъ, будучи 12—13 лѣтъ, онъ приходитъ въ церковь къ послѣдней предъ Великимъ постомъ вечернѣ и слышитъ прокимень: „не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего“; слова эти производятъ на него сильное и неизгладимое впечатлѣніе; онъ примѣняетъ ихъ къ себѣ и отъ всего сердца испрашиваетъ себѣ благоволенія у Отца свѣтовъ ³⁾. И Господь не отказываетъ въ Своихъ дарахъ молящемуся юношѣ, видимо благословляя его дальнѣйшее преуслѣваніе! Скудное образованіе, получаемое

¹⁾ См. статью С. К. Смирнова „Учитель Троицкой семинаріи В. Д. Дроздовъ“ „Современная Лѣтопись“ 1867 г. № 44-й.

²⁾ См. статью „Изъ воспоминаній Филарета М. М.“ въ „Правосл. обозр.“ 1868 года.

³⁾ Преданіе это сообщаетъ Сушковъ (см. стр. 68) по слову преосвящ. Леоніада, слышавшаго о немъ въ Коломнѣ.

имъ въ Коломенской семинаріи, нескучно пополняется самообразованиемъ подъ руководствомъ отца, при существованіи книжныхъ пособій, которыхъ лишено было большинство Коломенскихъ семинаристовъ. Но при всемъ умственномъ превосходствѣ надъ своими товарищами, онъ, какъ благовоспитанный юноша, отличался скромностію, почтительностію къ старшимъ и добрымъ отношеніемъ къ товарищамъ. По самому внѣшнему виду, прилично одѣтый во фризовой сюртукъ, онъ рѣзко отличается отъ прочихъ своихъ сверстниковъ по семинаріи ¹⁾.

Въ 1799 году, въ одно время съ упраздненіемъ Коломенской епархіи, закрыта была и Коломенская семинарія. Съ соизволенія высшаго духовнаго начальства, бывшимъ ученикамъ ея, для окончанія образованія, предоставлено было право поступать въ духовно-учебныя заведенія московской епархіи, какъ-то: въ Славяно-Греко-Латинскую академію, въ Троицкую и Перервинскую семинаріи ²⁾.

Прежде чѣмъ сказать, куда направить путь свой юный Дроздовъ, не лишнимъ будетъ подвести итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя могла оставить въ немъ Коломна. Не обильны свѣдѣнія о самомъ раннемъ періодѣ его жизни, но и они даютъ полное основаніе заключить, что первоначальныя условія для развитія богатыхъ духовныхъ дарованій его были вполне благоприятны. Не одна семья вліяетъ на его первоначальное развитіе, а цѣлыхъ двѣ и притомъ обѣ достойныя и въ разныхъ отношеніяхъ способныя посѣять въ юную душу добрыя сѣмена. Не простое захолустное мѣсто—его родина, а древній городъ съ немаловажнымъ значеніемъ, полный преданій и легендъ, пережившій много историческихъ событій. Какое значеніе все это могло имѣть для воспитанія ребенка съ богатыми духовными задатками, это понятно для cadaго. „Мать, бабушка — живыя носительницы преданій, а легенды — кодексъ христіанской нравственности въ поэтической формѣ“, справедливо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ даровитый уроженецъ той же Коломны Гиларовъ-Платоновъ. Мы знаемъ въ общихъ чертахъ, каковы были отецъ и мать,

¹⁾ См. Книгу Гиларова-Платонова „Изъ пережитаго“, стр. 42.

²⁾ См. резолюцію митрополита Платона по случаю закрытія Коломенской семинаріи на представленной ему вѣдомости объ ученикахъ этой семинаріи.

дѣдушка и бабушка знаменитаго митрополита Московскаго. Вліянію ихъ, какъ видно изъ его къ нимъ писемъ, онъ самъ придаетъ особое значеніе для всей своей жизни. Сердце даровитаго дитяти рано могло привыкнуть ощущать и цѣнить проявленія родственной любви, со всѣхъ сторонъ окружавшей его, воображеніе могло обильно питаться благочестивыми рассказами, память упражняться въ сохраненіи ихъ, умъ приучаться къ воспріятію свѣдѣній, которыхъ такъ много могла представлять вся обстановка его дѣтства. Родитель его по своему времени былъ человѣкъ достаточно образованный, отличный знатокъ латинскаго языка ¹⁾, привыкшій учить другихъ и слѣдовательно имѣвшій полную возможность поставить какъ должно первоначальное обученіе своего собственнаго первенца сына. Къ удовлетворенію возбужденной любознательности даровитаго сына могла служить довольно значительная отцовская бібліотека. Вообще вліяніе отца на духовное развитіе сына было такъ велико, что впоследствии, въ самый рѣшительный періодъ жизни, послѣ принятія монашества, благодарный сынъ горячо заявляетъ, что обязанъ своему отцу болѣе, чѣмъ жизни ²⁾. Родительница митрополита Филарета, даже по отзыву лицъ, не всегда почтительно относившихся къ памяти его и его родителей была женщина умная ³⁾ и слѣдовательно не только не препятствовала усвоенію добрыхъ отцовскихъ уроковъ, но и сама много способствовала правильному его развитію. Не можемъ не привести здѣсь отзыва о первоначальномъ воспитаніи будущаго святителя московскаго изъ слова, произнесеннаго предъ отпѣваніемъ его достопочтеннымъ о. ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ А. В. Горскимъ. „Прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности вынесъ почившій архипастырь изъ домашняго вос-

¹⁾ Особенное знаніе о. Михаиломъ Федоровичемъ латинскаго языка проявилось при ревизіи Коломенскаго училища, смотрителемъ котораго онъ былъ, произведенный преосвященнымъ Августиномъ викаріемъ Московскимъ въ 1811 году см. Книгу Гилярова-Платонова „Изъ Пережитаго“ стр. 70.

²⁾ См. письмо къ род. № 100.

³⁾ См. отзывъ о ней въ книгѣ Гилярова-Платонова „Изъ Пережитаго“ стр. 75—76.

питанія: это — чистое, цѣломудренное, духомъ искреннаго благочестія проникнутое сердце. Вотъ почему доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ незамѣнимою школою для посвящающихъ себя духовному служенію. Какъ и въ нѣкоторыхъ примѣрахъ древнихъ великихъ пастырей церкви: св. Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, видно и здѣсь особенное вліяніе доброй, христіански-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери на юнаго сына“. Прочіе родные всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно также привнесли добрый вкладъ въ сокровищницу его духа. Самый родной городъ былъ полонъ матеріаловъ и поводовъ для возбужденія любознательности богато одареннаго отрока. Стоя на границѣ между Московскою и Рязанскою губерніями, бывший одно время въ церковномъ и административномъ общеніи съ Тулою, онъ, представляя не мало поводовъ къ ознакомленію юнаго питомца наукъ съ топографіей и географіей родной земли, съ дѣленіемъ ея на административныя единицы, съ этнографическими особенностями обитателей сосѣднихъ мѣстностей, съ важными историческими событіями, которыми онъ ознаменованы, не могъ не быть безмолвнымъ учителемъ, не могъ не заронить въ воспримчивую душу своего уроженца самыхъ разностороннихъ свѣдѣній и впечатлѣній. Кто знаетъ, не найдемъ-ли мы объясненія въ первоначальномъ воспитаніи и для многихъ необычныхъ выдающихся особенностей, добродѣтелей и заслугъ будущаго Московскаго митрополита? Не была-ли заронена рано въ душу его искра стремленія къ аскетической подвижнической жизни примѣромъ прадѣда его по отцу и рассказами о подвигахъ Коломенскаго епископа Θεодосія? Отличавшая его приверженность къ созерцательному мистическому направленію не беретъ-ли начало изъ рассказовъ бабушки и матери о разныхъ чудесныхъ событіяхъ и изъ носившихся въ Коломенскомъ воздухѣ благочестивыхъ легендъ? Самая беззавѣтная и безграничная преданность и любовь его къ Государю и ко всему Царствующему Дому, которой, какъ извѣстно, ввѣрена была потомъ важнѣйшая тайна Престолонаслѣдія, не имѣетъ-ли корня въ подобной же любви и преданности его родителей и въ постоянномъ созерцаніи съ самаго ранняго дѣтства тѣхъ

десяти портретовъ „Владѣющей Фамиліи“, которые, какъ мы видѣли, были приобрѣтены его отцомъ еще на первыхъ порахъ его священнической жизни? Кто изъ насъ по собственному опыту не знаетъ, что изъ пережитыхъ въ дѣтствѣ и юности впечатлѣній зарождаются идеалы, которые потомъ каждый во всю послѣдующую жизнь носить въ себѣ, слагаются первыя наши представленія о правдѣ ея и неправдѣ, которыя потомъ, путемъ образованія будучи возведены на степенъ убѣжденій, становятся руководящими принципами всей нашей дѣятельности? Во всякомъ случаѣ сумма впечатлѣній, полученныхъ въ Коломнѣ дитятей, отрокомъ и юношей Дроздовымъ, была велика и вліаніе ихъ на него было весьма благотворно. Недаромъ онъ съ такою благодарностію воспоминаетъ впоследствии свои первыя Коломенскія ощущенія. Вотъ что говоритъ онъ въ словѣ своемъ на недѣлю всѣхъ святыхъ, произнесенномъ въ Коломенскомъ Успенскомъ Соборѣ въ 1822 году 28 мая: „По неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ, такъ что никогда уже видѣть его не чаялъ,—сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни,—желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ,—любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменіе ею, и персть ея ущедрятъ* (Псал. СЛ. 15), то есть, самые камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму: *вопросите, яже о миръ Іерусалима: и обиліе любящимъ тя! Буди же миръ во смиръ твою, и обиліе въ столпотѣпнахъ твоихъ. Ради братій моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ*“ (Псал. СХХІ. 6—8) ¹⁾.

Такъ дороги были для него воспоминанія о своемъ родномъ городѣ!

¹⁾ См. Слова и рѣчи митр. Филарета. Томъ II-й, стр. 102.

ГЛАВА V.

Школа митрополита Платона; ея характеръ и значеніе для духовнаго просвѣщенія во 2-й половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Особенное отеческое попеченіе митрополита Платона о Троицкой Лаврской семинаріи. Переимѣны въ учебномъ курсѣ, ранѣе, чѣмъ въ другихъ семинаріяхъ, произведенныя въ Троицкой Лаврской. Нравственное воспитаніе въ Лаврской семинаріи. Поступленіе В. М. Дроздова въ Троицкую семинарію. Вступительный экзамень. Наставники.

Какъ ни велико было значеніе впечатлѣній и вліяній Коломны въ раннемъ періодѣ жизни Василя Михайловича Дроздова, но еще болѣе воспитательнаго и образовательнаго значенія имѣла для него Троице-Сергіева Лавра, ставшая вскорѣ его второю родиною. Здѣсь еще болѣе онъ могъ развиваться и укрѣпиться духовно подѣ невидимымъ покровомъ преподобнаго Сергія и подѣ видимымъ покровительствомъ митрополита Платона.

Московскому митрополиту Платону по всей справедливости принадлежитъ слава лучшаго устройства и организатора духовныхъ школъ его времени. Устроенныя имъ духовныя школы были положительно выше всѣхъ другихъ школъ. Славившаяся доселѣ Кіевская академія должна была уступить свое первенство Московской академіи и Лаврской семинаріи. Архіереи наперерывъ добивались согласія Платона, чтобы ихъ лучшіе студенты довершали свое образованіе въ его заведеніяхъ. Самъ владѣвшій замѣчательнымъ по тому времени образованіемъ, онъ высоко держалъ знамя науки и старался водворить ее и сдѣлать плодотворною въ своихъ школахъ. Вотъ какъ характеризуетъ отношеніе митрополита Платона къ его школамъ и самыя эти школы одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ проповѣдниковъ: „Помимо крѣпкаго классическаго образованія, которое такъ высоко цѣнилъ митрополитъ Платонъ, въ особѣ и приемахъ его было нѣчто еще важнѣе этого. Къ нему можно отнести слова св. апостола Павла: *хотя у васъ и тысячи наставниковъ о Христѣ, но не много отцевъ...* Школы Платона были его семьей, которую онъ любилъ посѣщать. Изъ множества учениковъ онъ узнавалъ даровитѣйшихъ, и изъ нихъ избиралъ учителей. Учители становились его собесѣдниками и друзьями,

и здѣсь завязывалась та сердечная связь, по которой Платонъ совершенно овладѣвалъ своими питомцами, располагалъ ихъ силами и распоряжался ихъ судьбой, имѣя въ виду прежде всего и выше всего благо церкви¹⁾.

Но изъ всѣхъ московскихъ духовныхъ школъ самымъ любимымъ его дѣтищемъ была Троицкая Лаврская семинарія. Онъ такъ ее любилъ, что ради нея ревниво относился къ другимъ своимъ же школамъ. Онъ всѣми мѣрами старался удержать лучшихъ учителей и учениковъ въ Лаврской семинаріи и смотрѣлъ неблагопріятно на переходъ учениковъ Троицкихъ въ московскую академію, напротивъ желалъ, чтобъ изъ академіи московской болѣе было желающихъ учиться въ Лаврѣ. Живя въ послѣдній періодъ своей жизни большею частью въ Лаврѣ и Виѣніи, онъ, какъ любящій отецъ, постоянно и внимательно слѣдилъ за судьбой своего любимого дѣтища. Забота о процвѣтаніи любимой школы была для него выше многихъ другихъ епархіальныхъ заботъ. И это особенное попеченіе о ней знаменитаго архипастыря не было напраснымъ. Ученому и нравственному вліянію Платона, которое не ослабѣвало почти до послѣднихъ дней его жизни, семинарія обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ, по которому она шла въ уровень съ московскою академією, и даже иногда превышала ее. Будучи самъ многосторонне образованъ, пройдя послѣдовательно поприще учителя и ректора той же самой Лаврской семинаріи, съ которою не разлучался духовно и потомъ въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ по ступенямъ іерархическаго достоинства. Платонъ, когда сдѣлался митрополитомъ Московскимъ, посвятилъ на благосостояніе своей родной школы все: и знанія свои, и опытность, нерѣдко и матеріальныя средства свои, главное же—свою неусыпную о ней заботливость. Ему главнымъ образомъ обязана была Лаврская семинарія, вмѣстѣ съ другими московскими духовными школами, постепеннымъ освобожденіемъ отъ прежняго схоластическаго, разсудочно-отвлеченнаго направленія въ образованіи и расширеніемъ въ ея курсѣ фактическихъ,

¹⁾ Изъ слова протоіерея А. І. Ключарева (нынѣ Высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго) на погребеніе архіепископа Евгенія, бывшаго Ярославскаго.

реальныхъ знаній. Ранѣе и успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ семинаріяхъ, въ Троицкой Лаврской привились усовершенствованія въ преподаваніи прежнихъ наукъ семинарскаго курса: риторики, философіи и богословія, но впрочемъ при этомъ не спѣшили покидать и изгонять то доброе, что уже выдержало пробу времени и приносило хорошіе плоды. Въ риторическомъ классѣ было усилено изученіе русской риторики; при изученіи латинской риторики сохраняло еще силу прежнее руководство Бургія, но признано было полезнымъ „для большаго объясненія и дополненія употреблять и новоизданную и назначенную указомъ Св. Синода (1798 г.) для преподаванія въ семинаріяхъ риторику Франциска Лежая“ и при этомъ усилено было задаваніе сочиненій. Въ философскомъ классѣ стали знакомить съ новой нѣмецкой философіей, преимущественно Вольфіанской, причемъ принята была въ качествѣ учебнаго руководства система одного изъ представителей ея Баумейстера. Преподаваніе богословія въ Лаврской семинаріи, благодаря предшествовавшимъ трудамъ самаго Платона, когда онъ былъ ректоромъ семинаріи, а потомъ слѣдовавшихъ за нимъ преподавателей богословія ректоровъ Иларіона, Павла, Аполлоса и особенно Меодія Смирнова, придававшего въ своихъ чтеніяхъ большое значеніе историческому элементу, было по тому времени весьма удовлетворительно. Слѣдуя господствовавшей тогда богословской системѣ Теофана Прокоповича, Троицкіе богословы вносили въ свое преподаваніе и нѣчто самобытное, дополняли и оживляли его новой постановкой и обработкой богословскихъ вопросовъ. При всемъ томъ прежнее схоластическое направленіе еще сильно отзывалось въ Лаврской семинаріи. Печать его лежитъ и на лекціяхъ преподавателей, и на семинарскихъ экзаменахъ, и въ разныхъ ученическихъ оккупаціяхъ, и на диспутахъ. Но важно и то, что данъ былъ уже толчекъ къ постепенному освобожденію отъ него и къ расширенію знаній. Знаніе языковъ древнихъ: еврейскаго, греческаго и особенно латинскаго доведено было въ Лаврской семинаріи до возможнаго совершенства ¹⁾).

¹⁾ „Я засталъ тамъ, впослѣдствіи воспоминаетъ митрополитъ Филаретъ, еще хорошихъ латинистовъ, и между ними Зарѣцкаго.

Положено было солидное начало и изученію новыхъ языковъ. Родной русскій языкъ стали также усердно изучать въ Лаврской семинаріи, хотя еще Платонъ крѣпко стоялъ за латынь.

Нравственное воспитаніе въ Лаврской семинаріи такъ же было предметомъ особенныхъ заботъ митрополита Платона. Много разъ составленныя, собственной рукою писанныя и по разнымъ случаямъ изданныя Платономъ инструкціи свидѣтельствуютъ объ его сильномъ желаніи поднять уровень нравственности троицкихъ учениковъ. Предписанныя имъ въ возможной обстоятельности и подробности правила, которыми онъ снабжалъ не только ректора, префекта и учителей, но и сеніоровъ, полиціймейстера, столоваго инспектора, регента пѣвчихъ и даже старухъ—сидѣлокъ при больницѣ, вникають во всѣ подробности жизни и быта учениковъ, обнимають каждый шагъ ихъ и показываютъ въ составителѣ опытнаго педагога, возвышавшагося въ своихъ взглядахъ на воспитаніе надъ педагогическими приѣмами своего времени. Ограничивъ извѣстными условіями примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, Платонъ между прочимъ внушалъ инспектору *„стараться замѣчать каждаго, находящагося подъ смотрѣніемъ, склонности и привычки, подавать имъ матерію къ разговорамъ и другому упражненію, приличныя ихъ состоянію и благородныя, и стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко дружиною, были управляемы въ поступкахъ“*. Даже отъ такихъ низшихъ исполнителей начальническихъ распоряженій, какъ помощникъ серіора, онъ требовалъ *„входить наипаче въ то, нельзя ли сдѣлать чего новаго къ лучшему, и подавать о томъ свои записки съ мнѣніемъ“*. Этимъ допускался и поощрялся прогрессъ въ воздѣйствіи на нравственную сторону Лаврскихъ воспитанниковъ. Видимо заботились о смягченіи грубости бурсацкихъ нравовъ посредствомъ большаго развитія въ ученикахъ благородныхъ инстинктовъ, возвышенія эстетическаго образованія, ослабленія низкихъ и грязныхъ наклонностей къ

Разъ на одномъ изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ классовъ, по языкамъ греческому и еврейскому, сидя за бѣлымъ сосновымъ столомъ, написалъ онъ стиховъ 11 на учениковъ пѣтики, на которыхъ былъ сердитъ. Стихи вышли довольно правильные⁴. См. брошюру „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета М. М.“.

пнянству и т. п. Практика семинарской жизни, разумѣется, стояла еще далеко ниже этихъ требованій и идей, но важно было и то, что онѣ были уже сознаны и высказаны ¹⁾. Не скучно посѣянные Платономъ добрыя сѣмена должны были принести и добрые плоды. Изъ Троицкой семинаріи въ вѣкъ Платона вышло тридцать два святителя; между ними восемь митрополитовъ, шестнадцать архіепископовъ и восемь епископовъ. Хорошая рекомендація для семинаріи Сергіевой лавры!.. ²⁾.

Таково было въ общемъ, къ началу XIX-го вѣка, состояніе Троицкой Лаврской семинаріи, куда судьба направила изъ Коломны юнаго Дроздова.

По закрытіи коломенской семинаріи, Василій Михайловичъ Дроздовъ, которому было тогда семнадцать лѣтъ, желалъ поступить въ Славяно-Греко-Латинскую академію, но отецъ его далъ намекъ, что образованіе въ Лаврской семинаріи солиднѣе. Сынъ готовъ былъ послѣдовать совѣту отца, но его, не крѣпкаго здоровья и привычнаго къ удобствамъ родительскаго крова, тревожило опасеніе дурнаго, слишкомъ спартанскаго содержанія въ этой семинаріи, а также возлагаемыхъ въ ней на учениковъ хозяйственныхъ работъ; отецъ успокоиваетъ его обѣщаніемъ содержать на свой коштъ. Дѣло было рѣшено согласно желанію отца. Въ мартѣ 1800 года отецъ вмѣстѣ съ сыномъ отправляется въ Лавру и подаетъ прошеніе о принятіи сына въ Лаврскую семинарію. Тамъ изъявили согласіе его принять. Какъ бывший уже въ философскомъ классѣ коломенской семинаріи, онъ надѣялся быть принятымъ въ тотъ же классъ и Лаврской семинаріи, — но послѣдняя, сознавая свое превосходство предъ другими семинаріями, сначала не изъявила на то согласія. Оказался нужнымъ повѣрочный экзамень. Спрашивали изъ логики дефиниціи. Послѣ даннаго удовлетворительнаго устнаго отвѣта предстояло коломенскому пришельцу сдать еще письменное испытаніе. „Вечеромъ, такъ говоритъ самъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ, пришель я

¹⁾ См. Ист. Тр. Лавр. Семинаріи С. К. Смирнова, стр. 112—156 и Руков. къ русс. церк. ист. Знаменскаго, стр. 415—417.

²⁾ См. Ист. Тр. Лавр. Сем. С. К. Смирнова, стр. 537.

вмѣстѣ съ отцемъ къ ректору Августину (Виноградскому), который тутъ же въ своихъ покояхъ заставилъ меня написать диссертацию на вопросъ: „an dantur ideae innatae?“ ¹⁾ На это ничего не могъ бы я отвѣчать по урокамъ своего прежняго наставника, но роясь, когда учился въ Коломнѣ, въ книгахъ своего отца, читалъ я учебникъ по философіи Винклера. Тамъ я получилъ объ этомъ вопросѣ нѣкоторое понятіе. И моимъ отвѣтомъ были довольны. Меня приняли въ философскій классъ*.

Служебный персоналъ Троицкой семинаріи во время поступления въ нее Василя Михайловича Дроздова былъ слѣдующій: ректоръ—упомянутый архимандритъ Августинъ, преподававшій богословіе, префектъ—іеромонахъ Мельхиседекъ (Минервинъ), котораго съ августа 1800 года смѣнилъ молодой іеромонахъ Евграфъ (Музалевскій-Платоновъ), взятый черезъ годъ по окончаніи курса въ префектовъ Перервинской семинаріи и преподававшій философію; учителя: риторики и нѣмецкаго языка—Стефанъ Крыловъ-Платоновъ (впослѣдствіи Рязанскій архіепископъ Сергій), исторіи, географіи и катихизиса—іеромонахъ Діонисій,—поэзіи и французскаго языка—Савва Крыловъ (впослѣдствіи Сумеонъ, архіепископъ Ярославскій), греческаго и еврейскаго языка—Стефанъ Запольскій-Платоновъ (впослѣдствіи Самуиль, епископъ Костромскій),—латинскаго языка въ высшемъ классѣ—Александръ Бѣляевъ, въ низшемъ Иванъ Платоновъ ²⁾. Нужно думать, что составъ начальства и наставниковъ Троицкой семинаріи въ интеллектуальномъ отношеніи былъ много выше состава бывшей Коломенской семинаріи.

¹⁾ „О врожденныхъ идеяхъ“.

²⁾ См. Ист. Тр. Лавр. Сем. С. К. Смирнова, стр. 489—514. Ср. его же статью „Учитель Тр. Сем. В. М. Дроздовъ“ въ „Совр. Лѣт.“ 1867 г. № 44.

ГЛАВА VI.

Жизнь В. М. Дроздова на вольныхъ квартирахъ въ Сергіевомъ посадѣ. Перемѣщеніе его на казенное содержаніе въ монастырь. Состояніе его духа и здоровья въ первое время пребыванія въ Троицкой семинаріи. Слушаніе уроковъ философіи и успѣхи его въ этой наукѣ, а также въ исторіи и языкахъ греческомъ и еврейскомъ въ первый годъ ученья въ Троицкой семинаріи. Товарищи. Привѣтствіе митрополиту Платону на греческомъ языкѣ въ день его тезоименитства (18 ноября), составленное и произнесенное ученикомъ философіи В. М. Дроздовымъ. Кончина Императора Павла I и принесеніе Троицкими семинаристами присяги на вѣрность новому Государю, Императору Александру I. Окончаніе В. М. Дроздовымъ философскаго курса.

Хотя отецъ и успокоивалъ сына на счетъ содержанія, но и это обѣщанное содержаніе на своемъ коштѣ въ Сергіевомъ посадѣ, съ его простыми обитателями и отсутствіемъ даже первыхъ удобствъ для обитанія, не представляло ничего заманчиваго и вскорѣ даже заставило желать промѣнать на казенное.

Первое время В. М. Дроздовъ помѣстился на Переяславской улицѣ, но вскорѣ вышло отъ начальства запрещеніе семинаристамъ занимать квартиры на этой улицѣ по причинѣ постоянного бывавшаго тамъ шума и суеты отъ множества проѣзжавшихъ изъ сѣверныхъ губерній въ Москву. Это было такое же неудобное мѣсто для занятія науками и духовнаго созерцанія молодаго студента философіи, какимъ нѣкогда представлялось мѣстечко Сасимы Григорію Богослову. Нашъ будущій знаменитый митрополитъ такъ описываетъ свои первыя посадскія впечатлѣнія въ письмѣ къ своему родителю: „Не знаю теперь, куда приклонить голову: не только на хозяйскій коштъ нигдѣ не принимаютъ, но и на свой — весьма мало. Тамъ тѣсно; — тамъ хозяинъ пьяница; — тамъ безокоино. Надобно жить или на худой квартирѣ, или на улицѣ. Бѣда!“¹⁾ Но не бѣдность обстановки и отсутствіе тѣлесныхъ удобствъ беспокоятъ молодаго питомца семинаріи: его тревожитъ неизбѣжная необходимость терять при такой обстановкѣ много времени безъ пользы для ученья. „Если пойдешь на худую квартиру, говорить онъ въ томъ же письмѣ, и то за тѣсотой, то за шумомъ

¹⁾ См. письмо 1-е.

какимъ, будешь терять много времени: то правда, что не хуже будетъ, если жить на улицѣ. Здѣсь не Коломна: потерять на квартирѣ часть времени значить потерять почти цѣлый день. Просидѣвши семь часовъ въ день въ школѣ, захочешь беречь остальные. Притомъ часто приходишь рано: и сіе пропадаетъ. И такъ остается весьма мало. Чтобы здѣсь употреблять время какъ должно, надобно имѣть часы. Но это наше...“ Здѣсь поставлены въ письмѣ точки. Что хотѣлъ сказать этой недомолвкой молодой Дроздовъ, то ли, что въ его положеніи пока еще нельзя мечтать объ этой роскоши, или указываетъ на общее обыкновеніе не дорожить временемъ, къ нему самому впрочемъ непримѣнимое. Думаемъ, что теченію его мысли не противорѣчитъ и то, и другое. Самъ онъ лично весьма дорожилъ своимъ временемъ и не по лѣтамъ былъ заботливъ о своихъ учебныхъ занятіяхъ. Время его такъ занято, что его почти не остается даже для того, чтобы написать письма къ роднымъ: на одни письменныя упражненія онъ въ четыре недѣли перваго времени пребыванія своего въ Лаврской семинаріи издерживаетъ цѣлую десть бумаги. Голова его такъ была занята обдумываніемъ разныхъ учебныхъ задачъ, что „разстройство мыслей“ препятствуетъ писать роднымъ“ даже въ немногія остающіяся свободными минуты. Помимо разстоянія отъ квартиры до семинаріи могла отнимать довольно много времени отъ занятій и причинять „разстройство мыслей“ еще лежавшая на немъ обязанность самому заботиться о покупкѣ для себя предметовъ продовольствія, „Я буду самъ покупать для себя муку, пишетъ онъ дѣду, которая здѣсь по 60 копѣекъ, или болѣе. Можетъ быть и пустыя (щи?) очень часто кушать буду; ибо какъ товарищи, такъ и я. Вы скажете: зачѣмъ иду на такую квартиру? Но иначе должно жить на улицѣ, или по крайней мѣрѣ въ такой лачугѣ, въ которой два или три волоковыхъ окошка и въ самые полдни книгу читать невидно. Въ такую звалъ меня одинъ изъ моихъ товарищей вмѣстѣ съ собою“¹⁾.

Обязанный оставить квартиру на Переяславской улицѣ, юный Дроздовъ поставленъ былъ въ немалое затрудненіе.

¹⁾ См. письмо къ род. 2-е.

„Мнѣ рекомендовали, говорить онъ въ своихъ воспомина-
ніяхъ, другую квартиру, лучшую, въ Ильинской слободѣ,
но узнавъ, что туда ходятъ большіе семинаристы по знаком-
ству съ хозяевами, и что это знакомство сомнительно, я не
согласился перейти туда. Тутъ указали мнѣ квартиру у
священника Рождественскаго ¹⁾, котораго семейство, какъ
я узналъ послѣ, было разстроенное, и самъ онъ съ женою
велъ жизнь невоздержную. У него квартировали ученики,
выгнанные изъ бурсы за шалости, и по бѣдности кормились
хлѣбомъ, воруя его изъ казны. У нихъ былъ заведенъ та-
кой порядокъ, чтобы каждый понедѣльно кормилъ все обще-
ство, которое состояло человѣкъ изъ пяти. Не зная ихъ
способа пропитанія, я сталъ съ ними на квартиру. Но чрезъ
мѣсяцъ, когда все объяснилось, я не захотѣлъ оставаться
съ ними“ ²⁾.

Вообще не мало неблагопріятныхъ условій жизни приш-
лось испытать юному Дроздову въ первое время пребыванія
его въ Лаврской семинаріи, но, сообщая о нихъ роднымъ,
можетъ быть еще съ умолчаніемъ о нѣкоторыхъ, онъ про-
ситъ ихъ „ради Бога не беспокоиться за него“. „Меня сіе
житье, пишетъ онъ, весьма мало или совсѣмъ не трогаетъ
и не огорчаетъ“ ³⁾. Впослѣдствіи, уже будучи митрополитомъ,
онъ въ 1844 году 1-го ноября, въ словѣ по освященіи храма
святителя Николая въ домѣ Московской духовной семинаріи,
обращаясь къ воспитанникамъ послѣдней, такъ воспоминаетъ
о своемъ житіи въ первое время пребыванія своего въ Лавр-
ской семинаріи: „Дѣти! Спросите родителей, или отцевъ ихъ:
съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были
они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили по-
прище, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ
жилицъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблаго-
устроенный путь до дома ученія; и случилось, что только
въ поученіи нашемъ разгорался огонь (Псал. XXXVIII, 4),
когда въ согрѣвающимъ или освѣщающимъ огнѣмъ нуждалась

¹⁾ Церкви Рождества Христова, въ Сергіевскомъ посадѣ.

²⁾ См. брошюру „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета, митрополита Московскаго“, стр. 2.

³⁾ См. письмо къ род. 2-е.

учебная храмина. Воспоминаю сіе, добавляетъ проповѣдникъ, не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему*.

Среди разныхъ лишений и невзгодъ въ первое время поселенія своего въ Сергіевскомъ посадѣ В. М. Дроздовъ утѣшенъ былъ извѣстіемъ съ родины о возведеніи его родителя въ санъ протоіерея и назначеніи настоятелемъ Коломенскаго Успенскаго собора. Съ чувствомъ сердечной радости поздравляя родителя, онъ желаетъ ему дальнѣйшаго счастливаго успѣха въ должности, „въ чемъ уже и предувѣренъ“¹⁾.

Недолго впрочемъ пришлось юному Дроздову испытывать неудобства помѣщенія на квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ. Заботясь сколько о сбереженіи времени для занятій, столько же и объ охраненіи себя отъ дурнаго товарищества на дурныхъ квартирахъ, онъ пришелъ къ префекту семинаріи, объяснилъ ему откровенно свое положеніе и просилъ о принятіи на казенное содержаніе со взносомъ денегъ. Но его привяли и безъ этого условія²⁾. Въ концѣ перваго учебнаго года по поступленіи въ Лаврскую семинарію (10 іюня 1800 г.) онъ уже извѣщаетъ родныхъ, что принятъ на казенное содержаніе и живетъ въ монастырѣ³⁾. Такое перемѣщеніе онъ почитаетъ счастливымъ для себя и немалымъ преимуществомъ предъ товарищами, живущими на квартирахъ. „Бѣднымъ имъ надобно и приходитъ утромъ, и уходитъ вечеромъ въ темнотѣ, въ ночные часы! Я предъ ними счастливымъ себя почитаю“, пишетъ онъ въ письмѣ къ родителю⁴⁾.

Но какъ ни старается юный Дроздовъ приспособляться къ своему положенію въ Лаврской семинаріи, по временамъ испытываетъ приступы скуки, особенно когда получаетъ несовсѣмъ пріятныя извѣстія съ родины⁵⁾. Здоровьемъ своимъ за это время онъ также не можетъ похвалиться: то онъ

¹⁾ См. письмо къ род. 3-е.

²⁾ См. брошюру „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета, М. М.“, стр. 2.

³⁾ См. письмо къ род. 3-е.

⁴⁾ См. письмо къ род. 4-е.

⁵⁾ См. письмо къ род. 6-е.

страдаетъ отъ болѣзни глазъ, бывшей въ то время распространенною въ Лаврѣ и Виваніи, то сырая погода часто худо дѣйствуетъ на его голову ¹⁾.

Вскорѣ же по поступленіи въ Троицкую семинарію В. М. Дроздовъ сдѣлался однимъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ. Уроки философіи онъ, какъ прежде сказано, слушалъ у префекта іеромонаха Евграфа, который, по свидѣтельству современниковъ, отличался замѣчательными дарованіями и обширными познаніями, хотя по отзыву его знаменитаго ученика „не имѣлъ стройнаго образованія и въ философіи не показывалъ достоинствъ хорошаго преподавателя“ ²⁾. Но мы знаемъ уже, что ученикъ этотъ, благодаря своимъ дарованіямъ и трудолюбію, умѣлъ самъ восполнять недостатки преподаванія. Какъ бы то ни было, префектъ Евграфъ свидѣтельствовалъ объ успѣхахъ Дроздова въ философіи, исторіи и языкахъ греческомъ и еврейскомъ за первый годъ ученія его въ Троицкой семинаріи какъ о похвальнѣйшихъ (*laudabilimos progressus*). Лучшими студентами философіи, товарищами Дроздова, были въ это время: Матѳей Знаменскій (впослѣдствіи протоіерей Московской Николаевской, на Пупышахъ, церкви), Кириллъ Рудневъ и Алексій Александровъ ³⁾.

При всемъ томъ, что В. М. Дроздовъ былъ новичкомъ въ Троицкой семинаріи, ему въ первый же годъ ученія въ ней выпала на долю честь составить и произнести привѣтствіе митрополиту Платону въ день его Тезоименитства (18 ноября). Какъ извѣстно, въ Троицкой семинаріи былъ обычай на этотъ день представлять своему покровителю стихотворенія на русскомъ, латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и еврейскомъ языкахъ. Студенту философіи Дроздову поручили составить стихотвореніе на греческомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ началъ изучать этотъ языкъ только со времени поступленія въ Лаврскую семинарію, значить только девять мѣсяцевъ тому назадъ. Оно состояло изъ четырехъ стиховъ и написано было элегиче-

¹⁾ См. письмо 5-е и 7-е.

²⁾ См. брошюру „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета, М. М.“, стр. 2—3.

³⁾ См. статью С. К. Смирнова „Учитель Тр. сем. В. М. Дроздовъ“ въ „Совр. Лѣтоп.“. 1867 г. № 44.

скимъ метромъ. Приводимъ его какъ образчикъ первыхъ письменныхъ упражненій знаменитаго писателя, который заявилъ себя потомъ съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ родахъ писательства, не только въ прозѣ, но и въ поэзи:

„Ἠρώας μεγάλους μελέεσσιν ἄειδε, Ομηρε!
 Αὐτάρ μηδ' ἄδειν Πλάτωνος ἔργα πόθει.
 Ποιητῶν ἔστι μερόπων τα γάρ ὄντα ἀέζειν,
 Πῶς δ' ἀεζῆσαι τ' ἔργα Πατρος δύνασαι;
 Ἐποίησεν ὁ τῆς φιλοσ. φιλομαθ.
 Βασίλειος Δροσδόβ¹⁾).

Это четверостишіе въ позднѣйшее время самъ Филаретъ довольно удачно переложилъ по-русски, въ виду желанія своего почитателя Н. В. Сушкова, въ такой формѣ:

„Пой въ пѣсняхъ великихъ героевъ, Омиръ!
 „Дѣла же Платона ты пѣть не дерзай;
 „Поэты склонны и правду превысить—
 „А какъ превозвысить дѣянья Отца? ²⁾).

Форма этого юношескаго стихотворенія по-гречески не совсѣмъ правильна, но этотъ внѣшній недостатокъ достаточно объясняется обстоятельствами написанія его и съ избыткомъ восполняется достоинствомъ внутренняго содержанія. Его проникаетъ беззавѣтное сыновнее чувство юнаго автора къ Платону; при всей его краткости въ немъ блещетъ глубина чувства и мысли, выражающаяся особенно въ томъ, что поэтъ вѣмѣетъ предъ величіемъ дѣлъ Платона—отца и сразу обрываетъ свою рѣчь. Все это въ 18 лѣтнемъ юношѣ, какимъ былъ въ 1800 году Дроздовъ, показываетъ, что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго дара ³⁾.

¹⁾ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 136 л. 14. Самъ митрополитъ Филаретъ отзывался о своемъ стихотвореніи какъ о „дѣтскомъ во всѣхъ отношеніяхъ“ (см. Записки Сушкова о ж. и вр. свят. Филарета, стр. 125). Покойный достоуважаемый о. ректоръ Моск. Дух. Акад., прот. А. В. Горскій такъ-же высказывалъ намъ свое сужденіе объ этихъ греческихъ стихахъ какъ о несовсѣмъ правильныхъ. Подобное сужденіе даютъ о нихъ и С. К. Смирновъ (см. его статью: „Учитель Тр. сем. В. М. Дроздовъ“ въ „Совр. лѣт.“, 1867 г., № 44) и И. Н. Корсунскій (см. его статью: „Лира Филарета, митр. Моск.“ въ „Русск. Вѣстн.“ 1884 г. № 11, стр. 277—278).

²⁾ См. Сушкова „Записки“, стр. 125.

³⁾ См. статью И. Н. Корсунскаго „Лира Филарета, митр. Моск.“, стр. 278.

Весною 1801 г. Троицкіе семинаристы, въ присутствіи митрополита Платона и по примѣру его, оплакивали кончину императора Павла I, бывшаго нѣкогда ученикомъ ихъ патрона, и приносили присягу на вѣрность новому государю, императору Александру I ¹⁾.

ГЛАВА VII.

Посѣщеніе Троице-Сергіевой Лавры Государемъ Императоромъ Александромъ I. Переходъ В. М. Дроздова въ богословскій классъ. Слушаніе лекцій по богословію ректора архимандрита Августина. Переводъ Августина на ректорство въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую академію. Назначеніе на его мѣсто ректоромъ Троицкой семинаріи іеромонаха Еврафа. Методъ его въ преподаваніи богословія. Успѣхи Дроздова въ богословіи, а также въ исторіи, языкахъ греческомъ и еврейскомъ и медицинѣ. Поведеніе его. Знакъ вниманія къ нему митрополита Платона. Назначеніе Дроздова старшимъ надъ семинарскою больницею. Посвященіе его въ стихарь. Данное ему порученіе привѣтствовать м. Платона. Образъ его жизни, самообразование и самоусовершенствованіе, удовольствія и развлечения. Общая любовь къ нему. Окончаніе семинарскаго курса.

Осенью 1801 года, на праздникъ св. преподобнаго Сергія, — день преставленія его, — чествуемый церковію 25 сентября, соизволили прибыть въ Троице-Сергіеву Лавру Его Императорское Величество, Государь Императоръ Александръ I. Троицкіе семинаристы удостоились встрѣтить и лицезрѣть „Генія Россіи съ кроткимъ, но величественнымъ взоромъ, съ ангельскою улыбкою, провождаемаго соборомъ харить. Въ 7 часовъ наканунѣ праздника вступилъ Онъ въ Лавру; на праздникъ по литургіи не забылъ посѣтить Троицкую семинарію, а послѣ обѣда Виоанскую, и возвратился въ столицу ²⁾“.

Тогда же состоялся нетерпѣливо ожидавшійся и замедлившійся только вслѣдствіе прибытія Государя въ Лавру переводъ троицкихъ учениковъ въ слѣдующіе классы ³⁾. В. М. Дроздовъ вмѣстѣ съ другими товарищами назначенъ былъ къ переводу въ богословскій классъ, и митрополитъ Платонъ,

¹⁾ См. письмо В. М. Дроздова къ род. 9-е.

²⁾ См. письмо В. М. Дроздова къ род. II.

³⁾ См. тамъ-же.

утверждая списокъ, написалъ: *promovendi promoveantur*, т. е. достойные перевода пусть будутъ переведены.

Богословіе съ начала курса до святокъ (1801 г.) В. М. Дроздовъ слушалъ у ректора, архимандрита Августина, чело­вѣка способнаго, но не слишкомъ ревностно относившагося къ обязанностямъ преподавателя. „Отъ него, впоследствии воспоминаетъ митрополитъ Филаретъ, мы (ученики богосло­вія) получили тетрадку, или двѣ, гдѣ говорилось о книгахъ св. Писанія, едва-ли только не Ветхаго За­вѣта, на латинскомъ языкѣ. Августинъ, приходя въ классъ, приказывалъ ученикамъ часть этихъ записокъ прочитать, перевести на русскій языкъ и прибавлялъ къ этому немногія свои замѣчанія. Когда Августинъ былъ намѣстникомъ, то приходилъ въ классъ обыкновенно на полчаса ¹⁾“.

Въ концѣ 1801 года ректоръ Троицкой семинаріи, архимандритъ Августинъ, по указу Святѣйшаго Синода отъ 25 декабря, переведенъ былъ на ту же должность въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую академію. На его мѣсто назначенъ былъ (6 января 1802 г.) префектъ семинаріи іеромонахъ Евграфъ, который вмѣстѣ съ ректорствомъ принялъ на себя и преподаваніе уроковъ богословія. Дроздову, какъ отличному ученику, поручено было написать привѣтствіе (вѣроятно стихотворное) новому ректору, но, къ сожалѣнію, оно не дошло до насъ ²⁾.

О преподаваніи богословія ректоромъ Евграфомъ впоследствии митрополитъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается такъ: „Онъ задавалъ списывать отмѣченныя статьи изъ Голлазія, и потомъ такимъ же образомъ (какъ и Августинъ) прочитывалъ, переводилъ и объяснялъ въ классѣ. Обще намъ съ протестантами трактаты, какъ-то: о Св. Троицѣ, объ искупленіи и т. п., пройдены были порядочно; а другіе, напр. о церкви, совсѣмъ не были читаны“. Къ числу достоинствъ преподаванія Евграфа нужно отнести то, что онъ одинъ изъ первыхъ „увидѣлъ нужду изучать отцевъ церкви и изучалъ ихъ“. Вліянію ректора Евграфа нужно

¹⁾ См. брошюру „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета. М. М.“, стр. 3.

²⁾ См. письмо В. М. Дроздова къ род. 13-е.

также приписать, что, вмѣсто господствовавшей доселѣ въ преподаваніи латыни, стали болѣе заботиться объ усовершенствованіи учениковъ въ знаніи русскаго языка. Нужно думать, что уроки Евграфа были очень полезны для юнаго Дроздова. Онъ оказалъ въ нихъ большіе успѣхи и въ первую же треть богословскаго курса заслужилъ такую рекомендацію преподавателя: „отлично остръ, прилеженъ и успѣшенъ“.

Кромѣ богословія, въ теченіе двухгодичнаго курса Дроздовъ продолжалъ слушать уроки исторіи, греческаго и еврейскаго языковъ, а съ конца сентября 1802 года, когда открытъ былъ классъ медицины, слушалъ и эту науку. Учитель еврейскаго языка въ рекомендаціи своей отдавалъ Дроздову преимущество предъ всѣми его товарищами; на спискѣ греческаго языка написано противъ его имени: „препохвально, прекрасно“¹⁾. Преподаваніе медицины въ Троицкой семинаріи, по особенностямъ постановки дѣла, не могло приносить большихъ плодовъ. „Лекарь (Егоръ Жуковъ) дѣлаетъ для насъ короткія выписки, къ которымъ онъ не прибавляетъ ни слова для объясненія“, пишетъ Дроздовъ къ родителю. „Въ текущей мѣсяцъ одинъ разъ были мы на семь классѣ“. Свѣдѣнія по медицинѣ Дроздовъ поневолѣ долженъ былъ пополнять понемногу въ свободное время чтеніемъ Буханова лечебника, который читалъ, какъ говоритъ, „съ удовольствіемъ“²⁾. Какъ ни скупъ былъ лекарь на преподаваніе медицины, но въ спискѣ своихъ учениковъ, сохранившемся въ дѣлахъ архива Троицкой семинаріи (1802 года, № 64), отмѣчаетъ о Дроздовѣ, что въ медицинѣ онъ „очень хорошо успѣваетъ“.

Поведеніе Дроздова со стороны инспекторской также аттестовано было вполне хорошимъ.

Покровитель и поощритель молодыхъ талантовъ митрополитъ Платонъ, вѣроятно, уже рано отмѣтилъ своимъ вниманіемъ юнаго Дроздова. По крайней мѣрѣ извѣстно, что проѣзжая въ началѣ 1802 г. со святочныхъ каникулъ изъ дома въ Лавру, въ Москвѣ Дроздовъ представился митро-

1) См. Вѣдомость Тр. Сем. за 1801 г., № 75.

2) См. письмо 30-е.

политу Платону, былъ принять хорошо и получилъ латинскую рѣчь владыки, говоренную по коронаціи Его Величеству ¹⁾).

Отличные успѣхи и поведеніе Дроздова были причиною того, что, по переходѣ въ богословскій классъ, онъ былъ назначенъ старшимъ надъ семинарскою больницею ²⁾. Эта должность доставляла ему возможность много разъ видѣть митрополита Платона, часто навѣщавшаго больницу, удостоиваться его вниманія и бесѣды ³⁾. Въ половинѣ апрѣля 1802 г. Дроздовъ по представленію ректора семинаріи посвященъ былъ въ стихарь для проповѣданія слова Божія въ Транезной церкви ⁴⁾. Какъ отличный ученикъ Дроздовъ въ концѣ 1802 г. писалъ къ празднику Рождества Христова греческое, а къ новому году русское „поздравленіе“ митрополиту Платону ⁵⁾, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія.

Жизнь студента богословія В. М. Дроздова протекала тихо, скромно, въ непрестанныхъ занятіяхъ науками. Ничто не нарушало покоя ея и не мѣшало его сосредоточенности на одномъ предметѣ, если только не случалось какого-либо чрезвычайнаго и необыкновеннаго событія въ родѣ бывшаго 14 числа сентября 1802 года и замѣченнаго многими обитателями Лавры и Виваніи землетрясенія ⁶⁾. Не довольствуясь классными уроками, онъ продолжаетъ совершенствоваться путемъ самообразованія. Получивши назначеніе проповѣдывать, онъ озабоченъ приобрѣтеніемъ „Словъ Анастасія (Братановскаго, умершаго въ 1806 г. архіепископомъ Астраханскимъ)“ ⁷⁾. Желая усовершенствоваться въ писаніи писемъ на латинскомъ языкѣ, онъ проситъ родителя прислать ему

¹⁾ См. письмо къ род. 13-е. Рѣчь М. Платона послѣ коронаціи императора Александра I была тотчасъ же переведена на разные языки, въ томъ числѣ и на латинскій.

²⁾ См. письма къ род. 15 и 16. Когда В. М. сообщилъ своимъ родителямъ, что живетъ въ больницѣ, послѣдніе обезпокоились, что побудило его въ успокоеніе ихъ написать имъ, что онъ вовсе „не боленъ, или, если боленъ, то инспекторствомъ надъ больницею“.

³⁾ См. письма къ род. 16-е и 20-е.

⁴⁾ Дѣла арх. Тр. Сем. 1802 г. № 64-й.

⁵⁾ См. письмо къ род. 29-е.

⁶⁾ См. письмо къ род. 26-е.

⁷⁾ См. письмо къ род. 30-е.

Плинія, котораго, какъ пишетъ, полюбилъ ¹⁾. Въ религиозномъ направленіи онъ также постепенно укрѣпляется, находя, что науки только въ соединеніи съ вѣрою могутъ оказывать вполне благотворное вліяніе на душу ²⁾. Озабоченный нравственнымъ усовершенствованіемъ, онъ между прочимъ желаетъ приобрести сочиненіе о трехъ темпераментахъ, одобренное владыкою Платономъ и способное, по мнѣнію любознательнаго юноши, дать хорошую нравственность ³⁾. Онъ по прежнему скроменъ, доволенъ своимъ состояніемъ, нетребователенъ въ одеждѣ, крайне умѣренъ въ пищѣ и удовольствіяхъ. Ему доступны только тихія, невинныя радости и развлечения. Ему очень нравится, что предъ окнами его комнаты въ больницѣ цвѣтникъ, — вокругъ садъ. Изрѣдка онъ разнообразитъ свою жизнь и увеселяетъ себя игрой на гусляхъ, которой научился у дѣда въ Коломнѣ, также игрой въ шахматы и рыбной ловлей ⁴⁾.

При рѣдкихъ достоинствахъ умственныхъ и нравственныхъ на долю даровитаго и скромнаго питомца Троицкой семинаріи выпалъ счастливый жребій пользоваться любовью своихъ начальниковъ, наставниковъ и товарищей. Митрополитъ Платонъ видимо отличалъ его своимъ вниманіемъ. Ректоръ Евграфъ также очень любилъ его и сохранилъ къ нему расположеніе до конца своей жизни. Только однажды онъ нѣсколько поохладѣлъ къ нему, но это продолжалось очень недолго. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Н. В. Сушковъ со словъ, вѣроятно, самаго митрополита Филарета: „Ректоръ, по давнему обычаю въ Лаврѣ, устраивая подобающую встрѣчу митрополиту Платону, въ день его именинъ, предложилъ Василю Михайловичу написать въ честь ему стихи и съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей видти предъ гостей въ сочиненномъ на заданную тему разговорѣ. Стихи по-латыни были имъ написаны; а отъ разговора онъ отказался: „это театральное представленіе? я не желаю быть

¹⁾ См. письмо къ род. 26-е и 31-е.

²⁾ См. письмо къ род. 20-е.

³⁾ См. письмо къ род. 30-е.

⁴⁾ См. письма къ род. 15-е, 16-е, 19-е, 20-е, 21-е, 22-е, 28-е и 30-е. Сравни Сушкова „записки“, стр. 33.

актеромъ“. Отсюда кратковременная между ними „остуда“¹⁾. Доброе расположеніе къ нему имѣли также префектъ Сергій Крыловъ-Платоновъ и нѣкоторые другіе изъ личнаго состава семинаріи.

Незамѣтно, въ постоянныхъ трудахъ ученія, среди общей любви и уваженія протекли для В. М. Дроздова два года богословскаго курса. Въ концѣ его, въ августѣ 1803 года, ректоръ Евграфъ на богословскомъ спискѣ объ успѣхахъ и поведеніи Василя Дроздова и Матѳея Знаменскаго далъ слѣдующій отзывъ: „*Tum diligentia, tum ingenii acie, tum in aliis litterarum studiis, tum in poësi maxime, facile primi sunt omnium. Singulari eminent modestia*“²⁾. Такъ закончилось образованіе В. М. Дроздова въ Троицкой Лаврской семинаріи.

Въ благодарность за полученное въ ней образованіе онъ посвятилъ первые самые лучшіе годы своей жизни (1803—1808) на служеніе въ ней же въ качествѣ преподавателя и провелъ ихъ въ самой скромной обстановкѣ, въ непрестанныхъ трудахъ, забывая среди нихъ свою молодость, свойственныя ей забавы и развлечения.

¹⁾ См. Сушкова „записки“, стр. 34.

²⁾ См. въ дѣлахъ архива Гр. Лавр. Сем. списокъ 1803 г. № 31. Эта аттестація въ переводѣ значитъ слѣдующее: „И по прилежанію, и по остротѣ ума, какъ въ другихъ наукахъ, такъ и преимущественно въ поэзіи, они, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ. Отличаются особенною скромностію“.

ГЛАВА VIII.

Назначеніе В. М. Дроздова на должность преподавателя греческаго и еврейскаго языковъ. Условія, при которыхъ ученики семинаріи оканчивали курсъ и поступали на мѣста учителей. Матеріальное положеніе учителей семинаріи въ то время. Кругъ товарищей В. М. по службѣ въ семинаріи. Труды по учительству. Поѣздка на родину. Особенныя занятія. Подробности о преподаваніи греческаго и еврейскаго языковъ. Состояніе духа В. М. Дроздова въ періодъ отправленія имъ должности учителя греческаго и еврейскаго языковъ. Неизданное доселѣ его стихотвореніе изъ этого времени. Образъ его жизни. Знакъ особеннаго расположенія къ нему ректора Евграфа. Двѣ прославившія его проповѣди. Перемѣщеніе на должность учителя поэзіи. Особые труды. Усиленіе расположенія къ нему митрополита Платона. Преподаваніе В. М. поэзіи. Относящееся къ этому времени собственное его поэтическое произведеніе. Поѣздка на родину. Определеніе на должность учителя высшаго краснорѣчія и риторики и совмѣстное преподаваніе двухъ предметовъ — преняго и новаго. Проповѣдь, произнесенная въ Махрищскомъ монастырѣ. Новые и для всѣхъ замѣтные знаки вниманія къ В. М. митр. Платона. Двукратное приглашеніе ему занять мѣсто священника въ Коломнѣ и послѣдовавшій отказъ.

Въ ноябрѣ 1803 года, когда учитель риторики іеромонахъ Мисаилъ (Орловъ) былъ переведенъ въ Московскую академію и на его мѣсто назначенъ былъ учитель греческаго и еврейскаго языковъ Стефанъ Платоновъ, ректоръ Евграфъ представилъ въ кандидаты на вакансію наставника означенныхъ языковъ въ Троицкой семинаріи — двухъ „достоинѣйшихъ изъ студентовъ богословія“ Василя Дроздова и Матѳея Знаменскаго, съ предназначеніемъ будущему учителю жалованья 150 р. въ годъ.

Митрополитъ Платонъ вызвалъ къ себѣ Дроздова (25 ноября) и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ на греческомъ языкѣ ¹⁾. Отвѣты, вѣроятно, признаны были вполне удовлетворительными, потому что тогда же состоялось и определеніе Дроздова на должность учителя. На ректорскомъ представленіи митрополитъ Платонъ написалъ: „учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ быть студенту Василю Дроздову съ полученіемъ жалованья въ годъ по 160 рублей ²⁾“.

¹⁾ См. письмо В. М. Дроздова къ род. 41-е.

²⁾ Дѣла арх. Тр. сем. за 1804 г. № 10-й.

Между окончаніемъ курса Василиемъ Михайловичемъ въ Троицкой семинаріи и опредѣленіемъ его на должность учителя той же семинаріи нельзя усмотрѣть особенно замѣтной грани. Полный курсъ въ семинаріяхъ того времени обыкновенно продолжался 8—13 лѣтъ; время для прохожденія каждой науки въ частности назначалось тоже разное, смотря по тому, насколько мѣстный архіерей проникнуть былъ сознаниемъ ея важности. Разумѣется, всего болѣе времени приходилось на долю богословія (2—4 года) и латинскаго языка ¹⁾. Признаніе зрѣлости оканчивавшихъ курсъ и опредѣленіе ихъ на учительскія мѣста зависѣло отъ представленія семинарскаго начальства и отъ усмотрѣнія архіерея. Случалось, что ученики богословскаго курса, пробывъ на немъ два года, продолжали еще слушать его, тогда какъ ихъ болѣе счастливые товарищи занимали уже учительскія или священническія мѣста. И такъ бывало не съ одними только туго успѣвавшими учениками. При благотворительномъ характерѣ духовно-учебныхъ заведеній стараго времени, съ одной стороны, и съ другой—при необходимости для архіереевъ того времени, скуднаго людьми образованными, имѣть постоянный запасъ кандидатовъ на учительскія и священническія мѣста,—ученики, даже лучшіе, иногда сыновья бѣдныхъ родителей и сироты, при окончаніи курса, и сами не спѣшили оставлять сдѣлавшіяся для нихъ какъ бы родными учебныя заведенія и не были къ тому побуждаемы волею начальства. Самъ В. М. Дроздовъ изъявлялъ желанье учиться въ лаврской семинаріи еще одинъ лишній годъ ²⁾. Если случилось, что студентъ Василій Дроздовъ опредѣленъ былъ на должность учителя, то это произошло единственно по волѣ начальства. Онъ опредѣленъ былъ на учительскую должность, между тѣмъ какъ его товарищъ Матѳей Знаменскій, раздѣлявшій съ нимъ первенство по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, продолжаетъ на богословскомъ курсѣ слушать уроки своего бывшаго товарища и получаетъ отъ него учительскія отмѣтки на своихъ упражненіяхъ по греческому и еврейскому языкамъ.

¹⁾ См. Руководство къ русск. церк. ист. Знаменскаго, стр. 416.

²⁾ См. письмо къ род. 37-е.

Матеріальное положеніе учителя семинаріи такъ же не носило на себѣ рѣзкой печати отличія отъ положенія ученика. Положенное В. М. Дроздову жалованье, даже съ прибавкой отъ самаго митрополита Платона, вовсе не было таково, чтобы могло замѣтно измѣнить житейскую его обстановку. Не даромъ этотъ учитель писалъ при семъ родителю своему о себѣ: „Вы видите новаго учителя зимою въ лѣтнемъ платьѣ. Представьте трудности новаго сего состоянія: постель, теплое платье и,—если слѣдовать товарищамъ, для случаевъ чай съ принадлежностями—вотъ нужды“. „Я долженъ жить въ отдаленіи отъ васъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ родителю, и жить самъ собою, или, какъ говорятъ, своимъ домомъ. Я еще не знаю, сколь многочисленны 150 р. годоваго жалованья“. Столь держать учителя, въ томъ числѣ и Дроздовъ, на артельномъ началѣ; готовить его для всѣхъ учителей заслуженный матросъ, онъ же и камердинеръ Дроздова, квартира котораго служить общою столовою ¹⁾.

Кругъ товарищей В. М. Дроздова по службѣ состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ лицъ: ректоръ іеромонахъ Евграфъ, префектъ іеромонахъ Сергій, учитель риторики іеродіаконъ Самуиль, учитель поэзіи Кирилль Рудневъ,—высшаго грамматическаго латинскаго класса и нѣмецкаго языка Никифоръ Платоновъ (впослѣдствіи Неофитъ, епископъ Архангельскій),—низшаго грамматическаго класса и французскаго языка Михаилъ Платоновъ. Учениковъ у новаго наставника въ первый годъ его службы было по греческому классу: 39 изъ богословскаго класса, 60 изъ философскаго, 38 изъ риторики, 21 изъ поэзіи и 4 изъ высшаго грамматическаго класса, всего 162 человекъ. Между учениками видимъ и студента богословія Матвея Абрамовича Знаменскаго, объ успѣхахъ котораго В. М. Дроздовъ отмѣтилъ въ спискѣ: „превосходныхъ успѣховъ“—рекомендація лучшая изъ всѣхъ. Еврейскому языку учились 51 человекъ; изъ нихъ по отзыву наставника были лучшими двое: Николай Платоновъ и Григорій Троицкій ²⁾.

¹⁾ См. письма къ род. 41-е и 42-е.

²⁾ См. статью С. К. Смирнова „Учитель Тр. Сем. В. М. Дроздовъ“.

Дѣла у новаго учителя, призваннаго къ учительству прямо со школьной скамьи, понятно, было очень много. Ради новыхъ обязанностей и самаго тщательнаго ихъ исполненія онъ долженъ былъ побороть въ себѣ горячее желаніе навѣстить своихъ родителей въ Коломнѣ и заранѣе мысленно отложить его по крайней мѣрѣ года на два ¹⁾. Но онъ такъ усердно и неутомимо предался своему дѣлу, что уже въ одинъ годъ успѣлъ преодолѣть его трудности. Въ послужномъ спискѣ объ учителѣ Василии Дроздовѣ за 1803 годъ отмѣчено: „По-гречески переводить, писать и говорить можетъ совершенно“ ²⁾.

Благодаря такому неожиданно быстрому успѣху въ дѣлахъ своихъ, онъ мечтаетъ быть въ Коломнѣ ранѣе предполагаемаго для себя срока, но стѣсняется утруждать просьбою объ отпускѣ высокопреосвященнаго митрополита, и только въ томъ разѣ считаетъ возможнымъ исполненіе своего желанія ко дню Успенія Пресвятыя Богородицы, если высокопреосвященный соблаговолитъ прибыть въ Коломну на этотъ праздникъ по случаю обновленія Коломенскаго Успенскаго собора. Но къ великому утѣшенію Василя Михайловича ему и безъ этого условія удалось пробыть нѣсколько пріятныхъ дней въ родномъ домѣ въ вакацію 1804 года ³⁾.

Для такого усерднаго работника, какимъ былъ Василю Михайловичу Дроздову, освѣженіе силъ поѣздкой на родину нужно было только для того, чтобы съ удвоенною ревностію и усердіемъ приняться за дѣла даже не по одной только прямой своей обязанности. Объясняя замедленіе письменныхъ сношеній съ своимъ родителемъ, онъ пишетъ къ нему: „Такъ случилось, что мы нынѣ сверхъ обыкновенной должности всегда имѣемъ особенныя дѣла: и это препятствуетъ мнѣ иногда писать къ вамъ, хотя бы желалъ“. Дѣла эти состояли между прочимъ, какъ видно изъ того же письма, въ составленіи замѣчаній даже на собственныя произведенія митрополита Платона, замѣчаній, которыхъ онъ требовалъ отъ своихъ бывшихъ питомцевъ въ духѣ полной сыновней откровенности и безпристрастія ⁴⁾.

¹⁾ См. письмо къ род. 42-е.

²⁾ Дѣла арх. Тр. Сем. за 1804 г. № 10.

³⁾ См. письма къ род. 41-е, 50-е и 51-е.

⁴⁾ См. письмо къ род. 52-е.

Но главную заботу Василя Михайловича Дроздова составляли, конечно, труды по его специальности. Свѣдѣнія объ учебной дѣятельности его сохранились въ донесеніяхъ, которыя ежемѣсячно подаваемы были въ Лаврское семинарское правленіе каждымъ изъ учителей, вмѣстѣ съ списками учениковъ и рекомендаціями объ ихъ успѣхахъ. Классы греческаго языка были ежедневно, кромѣ субботы, а еврейскаго языка — каждый день. На греческомъ классѣ были „читаны грамматическія правила, задаваемы были задачи и составляемы переводы съ замѣчаніемъ синтаксическихъ правилъ и ученики были занимаемы разговорами“. Кромѣ древняго еллинскаго языка преподаваемъ былъ и новый ромейскій, объясняемы были грамматическія особенности этого языка, дѣлаемы были переводы изъ книгъ новогреческихъ на русскій языкъ, равно какъ переводы съ русскаго на греческій и ромейскій. Для переводовъ съ греческаго избираемы были Творенія Св. Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Особенно Василій Михайловичъ останавливался на изученіи Твореній Григорія Богослова. Видимо они находили такой сочувственный откликъ въ душѣ молодаго учителя, что онъ живо воспринялъ самый духъ этого знаменитаго отца восточной церкви, способъ его богословствованія, отразившійся впоследствии на многихъ его произведеніяхъ. Самая форма изложенія Григорія Богослова до того сдѣлалась знакомою и сродною Лаврскому учителю греческаго языка, что „нѣкоторыя стихотворенія Григорія на греческомъ языкѣ, по свидѣтельству А. В. Горскаго (въ словѣ предъ отпѣваніемъ митрополита Филарета), сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни“. На еврейскомъ классѣ были толкуемы грамматическія правила, и учащіяся занимаемы были переводами изъ книгъ ветхозавѣтныхъ съ этимологическимъ разборомъ словъ. Преимущественно учитель переводилъ и разбиралъ съ учениками Псалтирь, согласно особой резолюціи митрополита Платона ¹⁾.

¹⁾ См. дѣла арх. Тр. Лавр. Сем. 1804 г. №№ 67, 187, 218; 1805 г. №№ 38, 87, 156, 138, 228. Ср. С. К. Смирнова Ист. Тр. Лавр. Сем., стр. 346 и его же статью „Учитель Тр. Сем. В. М. Дроздовъ“.

Казалось бы, что греческій и еврейскій языки должны были представляться довольно сухимъ предметомъ преподавателю, особенно такому молодому, какимъ былъ въ то время Василій Михайловичъ Дроздовъ, но этотъ преподаватель до того былъ талантливъ, усерденъ и трудолюбивъ, до того полюбилъ свой предметъ, что сумѣлъ оживить, сдѣлать пріятнымъ и полезнымъ самое тщательное изученіе его какъ для самого себя, такъ, вѣроятно, и для многочисленныхъ учениковъ. Не только не видно, чтобы онъ тяготился преподаваніемъ этого, повидимому, непривѣтнаго предмета, но напротивъ замѣтно, что годы преподаванія имъ этого предмета (1803—1806) были самымъ пріятнымъ временемъ его Лаврской жизни. Письма его къ родителю за это время, особенно за 1804 годъ, носятъ на себѣ поэтической, жизнерадостный характеръ. Въ одномъ изъ нихъ включены слѣдующія стихотворныя привѣтствія роднымъ:

„Я и не во время кричу,
 „Что многолѣтства Вамъ хочу:
 „Что въ сердца вѣчно обитаетъ
 „Законовъ времени не знаетъ“.

Затѣмъ онъ прибавляетъ: „когда въ 8-е слѣдующаго мѣсяца (ноября—день именинъ родителя) будутъ у васъ наши родственники, прочтите имъ общій отъ меня визитъ:

„Любезнѣйшимъ роднымъ,
 „И малымъ, и большимъ,
 „Всѣхъ благъ прямыхъ желаю;
 „И также посылаю
 „Кому *ау!* кому *визитъ!*
 „Пусть сами межъ собой дѣляютъ“¹⁾.

Къ тому же году и даже къ тому же времени года, т. е. ко дню рожденія и именинъ родителя, относится еще и слѣдующее письмо Василя Михайловича Дроздова въ стихахъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанное:

„Любезнѣйшій Родитель!
 „Какъ сида я Вашъ годъ воспоминаю новый:
 „Пусть будетъ подо мной Пегасомъ—стулъ сосновый;
 „Позвольте издали къ Вамъ ямбами скакать,

¹⁾ См. письмо къ род. 53-е.

„И мысли риемою свободныя сковать,
 „Я не пойду мечтой по Греціи скитаться,
 „Дабы тамъ пьянственнымъ восторгомъ напитаться.
 „На мѣстѣ грацій, гдѣ серальныхъ встрѣтишь дамъ,
 „И гдѣ курять табакъ—не музамъ Олимпамъ.
 „На тотъ Парнасъ моихъ бѣгъ мыслей устремился,
 „Который въ домъ для Васъ недавно обратился.
 „Я тамъ—я вижу Васъ—и это-ль не восторгъ?
 „Обильнѣйшій Пить въ семь предо мной убогъ.
 „Не звуки лирные, но кроткій гласъ сердечный
 „Льетъ мнѣ въ сердце огонь неугасимый, вѣчный.
 „Здѣсь не коварное искусство говорить,
 „Что безобразію даетъ прелестный видъ.
 „Безъ маски, безъ прикрасъ, природа здѣсь простая.
 „Не меньше, какъ въ раю, открытая, нагая
 „Приходитъ пожелать, да радости одни
 „Всегда приносятъ Вамъ грядущи Ваши дни;
 „Да кротки небеса моленьямъ Вашимъ внемлятъ,
 „И бури жизненны спокойства не колеблятъ.
 „Вотъ сердце Вамъ мое! желаній вотъ предметъ!
 „Въ Коломнѣ ясный день—и въ Лаврѣ тучи нѣтъ...

Ноября 4. 1804.

Такими теплыми сыновними чувствами, свидѣтельствующими о ясномъ, ничѣмъ не возмущенномъ состояніи духа автора, проникнуто это новогоднее привѣтствіе Василя Михайловича Дроздова своему родителю. Эта свѣтлая душевная настроенность молодого преподавателя греческаго и еврейскаго языковъ въ Троицкой семинаріи невольно обращаетъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ своей личной уединенной и однообразной труженической жизни долженъ былъ довольствоваться весьма немногимъ и избытокъ своихъ свѣтлыхъ мыслей и чувствъ, долженъ былъ почерпать главнымъ образомъ изъ глубокихъ тайниковъ своей души. Намъ уже извѣстна его крайне скромная матеріальная обстановка. Въ области духовныхъ потребностей онъ такъ же долженъ былъ себя во многомъ ограничивать. У него не было другихъ интересовъ, кромѣ какъ—по преподаванію,—развлеченій тоже было очень мало. Изрѣдка развѣ онъ развлечетъ себя разговоромъ съ своимъ камердинеромъ, напр., объ антихристѣ и о новомъ весеннемъ снѣгѣ, который пришло за старымъ, или перекинется какою либо невинною шуткою или острою съ товарищами—учителями

Здѣсь не коварное искусство говоритъ,
что безобразно срѣтъ предстательствъ.
Божь маки, божь прикраш, природа здѣсь проста
Не мѣлче, какъ въ Соло, открыта, кака
приходитъ посещать, да радости одни
всегди приходить Вамъ являюща Вашини;
да кротки небеса любованъ Вашинъ онекъ
и буря разненьки спокойства неколебл
Вотъ сердце Вашъ мое! желаніи вотъ-предметъ
въ холмистъ Гинъденъ — и въ лагерь туи нѣтъ.

Мѣс. 4. 1854.

во время общаго обѣда или ужина ¹⁾). Что еще могло скрашивать эту уединенную и однообразную жизнь и утѣшать во многихъ лишеніяхъ—это сильное и глубокое религиозное чувство, питаемое и поддерживаемое всей обстановкой Лавры и соединенными съ нею священными воспоминаніями, затѣмъ горячее родственное чувство вмѣстѣ съ теплыми же чувствами къ высокому покровителю семинаріи митрополиту Платону, ближайшимъ начальникамъ и сослуживцамъ, и наконецъ—простое, неспорченное чувство любви къ природѣ, замѣтно проявляющіяся во многихъ его письмахъ изъ того времени и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ объ этомъ времени ²⁾).

Своею постоянною исправностію въ исполненіи обязанностей, своими талантами и особенно честнымъ поведеніемъ Василій Михайловичъ Дроздовъ, и прежде пользовавшійся расположеніемъ ректора Евграфа, еще болѣе заслужилъ его вниманіе и любовь. Чтобы яснѣе и нагляднѣе выразить свои чувства къ достойному сыну достойнаго отца, ректоръ пожелалъ вступить въ переписку съ родителемъ Василя Михайловича. Въ ней онъ увѣряетъ послѣдняго, что „въ рѣдкихъ достоинствахъ сына онъ подлинно имѣетъ драгоценный залогъ и свидѣтельство Божіа къ нему благоволенія“ и выражаетъ желаніе „да возраститъ и усугубитъ Промыслъ сіе на немъ благословеніе“ ³⁾).

Еще находясь въ должности учителя греческаго и еврейскаго языковъ В. М. Дроздовъ въ 1806 году приобрѣлъ себѣ извѣстность способнаго проповѣдника двумя своими проповѣдями, изъ коихъ одна была написана на день торжества освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ осады поляками въ 1610 году, произнесена 12 Января и по приказанію митрополита Платона напечатана,—а другая на Великій Пятокъ, которая также вскорѣ послѣ произнесенія была напечатана. По поводу первой проповѣди митрополитъ Платонъ писалъ (отъ 4 марта 1806 года) къ своему викарію Августину: „А у меня проявился отличнѣйшій проповѣдникъ,

¹⁾ См. письмо къ род. 42-е и 60-е.

²⁾ Ср. Сушкова „Заниски“, стр. 34.

³⁾ См. письма В. М. къ род., стр. 59.

учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь, — и удивитесь¹⁾. На рукописи второй проповѣди митрополитомъ Платономъ было написано: „Prox, linguae hebraicae et graecae praeceptor! Prox! Memento: Prox, cum porimus te, esse in Laugensi Seminario principem graecorum!“²⁾.

Въ августѣ 1806 года В. М. Дроздовъ резолюціею митрополита Платона, послѣдовавшею на представленіе семинарскаго правленія, которое усматривало въ Дроздовѣ „отличную къ поэзій и реторикѣ склонность“, съ должности учителя греческаго и еврейскаго языковъ перемѣщенъ былъ на должность учителя поэзій вмѣсто учителя Руднева. Эта новая дѣятельность родителю В. М—ча, вѣроятно, судившему о ней по названію предмета преподаванія (поэзій), казалась веселою. Но не такъ смотрѣлъ на нее самъ новый учитель поэзій, для котораго она представляла далеко не одно только веселое. Вмѣстѣ съ отправленіемъ этой должности онъ долженъ былъ, вслѣдствіе замѣченнаго въ немъ митрополитомъ Платономъ особеннаго проповѣдническаго дара, отправлять должность проповѣдника при Лаврскомъ Троицкомъ соборѣ. „Пробыть около шести часовъ въ классѣ, и въ двѣ недѣли сказать одну проповѣдь, не считая тѣхъ, которыя обыкновенно назначаются въ праздники, вотъ та должность“, пишетъ онъ къ своему родителю, „которую Вы называете веселою. То истинно, что она разнообразнѣе прежней, интереснѣе, и можетъ занять меня съ большимъ удовольствіемъ: но и Вы согласитесь, что она есть не малое бремя. Съ столь малыми свѣдѣніями, а еще меньшею опытностію, быть проповѣдникомъ, и каждое произведеніе слабаго пера подвергать суду такого мужа (митрополита Платона), который вдвое долѣе всей жизни моей наслаждается славою богослова и витія, — сіе одно могло бы и не меня привести въ недоумѣніе. При всемъ томъ я рѣшился, — и на что иное могъ бы я рѣшиться? Я рѣшился повиноваться вѣншей волѣ, сколько позволяютъ мои силы“³⁾.

¹⁾ См. Ист. Тр. Сем. С. К. Смирнова, стр. 416.

²⁾ Т. е. „Прекрасно, учитель, еврейскаго и греческаго языка! Прекрасно! Замѣть: Прекрасно, такъ какъ мы знаемъ тебя за перваго изъ проповѣдниковъ въ Лаврской Семинаріи“. См. слова и рѣчи митр. Филарета, Т. 1-й, стр. 127.

³⁾ См. письмо къ род. 74-е.

Въ поощреніе молодаго учителя поэзіи, ему назначено было жалованья 250 р., да лично отъ митрополита Платона 50 р., итого 300 руб. Въмѣстѣ съ симъ митрополитъ Платонъ оказываетъ ему и другіе знаки особеннаго своего вниманія и расположенія. Онъ все болѣе и болѣе приближаетъ его къ себѣ, даритъ ему разныя вещи и дѣлаетъ своимъ внодіакономъ. Милости архипастыря изливаются не только на сына, но и на его отца. По представленію митрополита Платона Коломенскій соборный протоіерей получаетъ изъ Святѣйшаго Синода награду (вѣроятно—скуфью), за исхода-тайствованіе которой сынъ совѣтуетъ отцу принести личную благодарность Его Высокопреосвященству ¹⁾.

Если В. М. Дроздовъ слишкомъ скромно, какъ мы видѣли, судилъ о себѣ, какъ проповѣдникѣ, называя свои проповѣди „произведеніями слабаго пера“, то не такъ отзывался о немъ его высокій покровитель—митрополитъ Платонъ. Къ чести послѣднаго нужно признать, что онъ не только воздавалъ всегда должное молодымъ талантамъ, но находилъ, можно сказать, даже удовольствіе оказывать нѣкоторымъ изъ нихъ предпочтеніе предъ самимъ собою. О В. М. Дроздовѣ онъ отзывался такъ: „Я пишу по-человѣчески, а онъ пишетъ по-ангельски“ ²⁾. Издавъ свою „исторію Церкви“, онъ подарилъ ему одинъ оттискъ съ такою надписью: „Господину Дроздову—отличному проповѣднику“ ³⁾. Цѣня по достоинству молодаго проповѣдника, митрополитъ Платонъ изъявляетъ желаніе напечатать его проповѣди, говоренныя въ должности учителя поэзіи, и для сего приказываетъ представить ихъ себѣ, что приводитъ въ нѣкоторое смущеніе автора проповѣдей. „Переписка сдѣлаетъ мнѣ много хлопотъ: ибо многія писаны прямо на бѣло, какъ говорится“, пишетъ онъ къ родителю ⁴⁾. Въ этомъ признаніи В. М.—новое доказательство какъ особеннаго проповѣдническаго дара его (писать проповѣди прямо на бѣло!), такъ и скромнаго его о себѣ мнѣнія.

Мало данныхъ, чтобы судить о характерѣ преподаванія

¹⁾ См. письмо къ род. 72-е.

²⁾ См. Снегирева „Жизнь Митроп. Платона“. Ч. I, Прим. 35.

³⁾ См. Сушкова „Записки“, стр. 37.

⁴⁾ См. письмо къ род. 79-е

поэзіи В. М. Дроздовымъ. Оно состояло, вѣроятно, въ общеніи правилъ составленія стихотвореній на латинскомъ и русскомъ языкахъ, въ чтеніи и разборѣ образцовъ, въ задаваніи и просмотрѣ ученическихъ упражненій по этому предмету. Образцы этихъ упражненій сохранились въ сборникѣ гратуляцій митрополиту Платону отъ Троицкой семинаріи за 1806 годъ. Какъ учитель поэзіи, обязанный подавать примѣры своимъ ученикамъ, В. М. и самъ упражнялся въ составленіи стихотвореній, памятникомъ чего сохранилось его довольно обширное стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Старость“, помѣщенное въ концѣ сборника гратуляцій Платону отъ той же семинаріи за 1807 годъ ¹⁾).

Лѣтнюю вакацію 1807 года В. М. провелъ на родинѣ — въ Коломнѣ, изъ пребыванія въ „тихомъ обществѣ“ которой вынесъ для себя „приятнѣйшее удовольствіе“ ²⁾).

Въ началѣ 1808 года В. М. Дроздовъ опредѣляется на должность учителя высшаго краснорѣчія и риторики, но, такъ какъ предназначенный на его мѣсто по преподаванію поэзіи нѣкій университетскій студентъ, изъявившій желаніе принять монашество, довольно долгое время не получалъ увольненія отъ своего начальства, то В. М.-чу пришлось преподавать оба предмета — и поэзію и риторикѣ. Въ письмѣ къ родителю онъ жалуется на трудность совмѣстнаго преподаванія двухъ предметовъ, тѣмъ болѣе, „что въ одни часы оба класса и много людей“, но заявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „былъ бы непотребнымъ рабомъ, если бы не старался оправдать довѣренность милостивѣйшаго архипастыря“. „Во мнѣ примѣчаютъ перемѣну здоровья“, прибавляетъ онъ, „но Богъ поможетъ: или — дай Богъ ослабить здоровье лучше исполненіемъ должности, нежели какимъ-нибудь порокомъ!“ ³⁾).

Сохранились два донесенія его о преподаваніи поэзіи и риторики въ теченіи февраля 1808 года. Въ одномъ изъ нихъ учитель поэзіи пишетъ, что „въ утренніе классы по

¹⁾ Разборъ и оцѣнку этого стихотворенія см. въ статьѣ И. Н. Корсунскаго „Лица Филарета М. М.“ „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г. № 11-й.

²⁾ См. письмо къ род. 85-е.

³⁾ См. письмо къ род. 90-е.

понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ читана была имъ риторика, по вторникамъ и четвергамъ правила пиитическія, въ послѣобѣденные часы занимались переводомъ изъ Павлина; въ субботу оба класса употребляемы были на слушаніе лекціи латинскихъ авторовъ; за небреженіе объ употребленіи латинскаго языка назначаемы были учить отборные періоды изъ риторики Францисковой*. На этомъ донесеніи ректоръ Евграфъ написалъ: *Colloquiorum Erasmi usus non negligendus est. Historiae insuper, maxime ecclesiasticae, usus est necessarius*¹⁾. — Въ другомъ донесеніи В. М. Дроздовъ, какъ учитель риторики, рапортуетъ что „утренніе часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ читана была имъ риторика; по вторникамъ и четвергамъ изъ Лангія о красотахъ латинскаго языка; въ послѣобѣденные классы, кромѣ субботы, былъ переводъ изъ писемъ Плиніевыхъ и Овидіевыхъ ex Ponto; въ субботу оба класса употребляемы были на слушаніе недѣльнаго чтенія латинскихъ авторовъ; за небреженіе объ употребленіи латинскаго языка выучиваемы были, по назначенію, стихи изъ Овидіевыхъ элегій; сверхъ сего утреннія лекціи, кромѣ субботы, по большей части сопровождались экспромптомъ“. И на этомъ рапортѣ Евграфъ замѣтилъ: „*Erasmi pro calculo destinetur usus. Historiae, maxime Russicae et ecclesiasticae, inculcanda est notitia*“²⁾.

Среди трудовъ по совмѣстному преподаванію двухъ предметовъ В. М. продолжаетъ нести и трудъ проповѣдничества. Изъ проповѣдей этого времени извѣстна его проповѣдь, написанная на освященіе храма св. Троицы въ Махрицкомъ монастырѣ и произнесенная 23-го августа 1808 г.³⁾

Расположеніе митрополита Платона къ В. М-чу продолжаетъ усиливаться, что называется, не по днямъ, а по

1) Т. е. „Не нужно оставлять безъ употребленія разговоры Эразмовы. Сверхъ того нужно заниматься исторією, особенно церковною“. См. дѣло архива Тр. Сем. 1808 г. № 104.

2) Т. е. „Вмѣсто калькулюса назначать изученіе Эразма. Нужно сообщать свѣдѣнія по исторіи, особенно русской и церковной“. См. дѣла арх. Тр. Сем. 1808 г. № 105. Ср. статью С. К. Смирнова „Учитель Тр. Сем. В. М. Дроздовъ“.

3) Слова и рѣчи м. Филарета, т. 1-й, стр. 128.

часамъ. Оно проявляется въ самыхъ разнообразныхъ знакахъ вниманія ¹⁾ и становится слишкомъ замѣтнымъ для другихъ. Однажды, послѣ прогулки на Корбухъ, Платонъ, сядя въ карету, мимо другихъ, его провожавшихъ, подаль руку Дроздову съ словами: „Ты меня одинъ поддержишь“ ²⁾. Это очевидное предпочтеніе предъ другими, оказываемое высокимъ покровителемъ молодому учителю и проповѣднику, возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ зависть къ нему и желаніе дѣйствовать ему во вредъ, но всѣ происки этой зависти пропадаютъ даромъ, не достигая цѣли. „Напримѣръ: случилось, говорить онъ въ письмѣ къ родителю, что меня послали въ одно мѣсто (т. е. къ митрополиту Платону) въ надеждѣ доставить мнѣ случай... получить выговоръ: но меня тамъ приняли милостиво и посадили обѣдать... Не забавно ли это?—Такъ заставляли меня смѣяться, когда думали мнѣ досадить“. Огражденный покровительствомъ митрополита Платона отъ всѣхъ подкоповъ лицъ недоброжелательныхъ, В. М. чувствуетъ себя „довольнымъ и веселымъ“. Мое веселіе тихо, какъ дыханіе полуденнаго вѣтерка, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. Я, какъ и все здѣсь, спокоенъ подѣ *кроткою тѣнью*“ ³⁾,

Въ продолженіе Лаврской жизни В. М. Дроздова два раза Коломенскіе граждане приглашали его поступить на священническое мѣсто въ родномъ городѣ, первый разъ на исходѣ богословскаго курса (въ первой половинѣ іюня въ 1803 г.) ⁴⁾, а второй—въ 1807 г., когда онъ былъ уже учителемъ поэзіи ⁵⁾, но оба раза это предложеніе постигла неудача. Въ первый разъ приглашенный на священство самъ не уклонялся отъ него, или, точнѣе сказать, уклонялся слабо, то ссылаясь на рѣшеніе родителя, то предлагая отложить дѣло, съ цѣлью лучше обдумать его, до вакаціи ⁶⁾. Въ общемъ ему нравится положеніе священника, и именно—въ Коломнѣ, гдѣ

¹⁾ См. напр письма къ род. 81-е и 84-е.

²⁾ См. Снигирева „Жизнь м. Платона“ ч. 1, стр. 62.

³⁾ См. письмо къ род. 95-е.

⁴⁾ См. письмо къ род. 37-е.

⁵⁾ См. письмо къ род. на стр. 83-й и 114-й.

⁶⁾ См. письмо къ род. 37-е.

„жизнь тише“, чѣмъ въ Москвѣ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ онъ имѣеть его въ виду, соображаясь съ нимъ между прочимъ даже при намѣреніи заказать себѣ лѣтнее платье и останавливаясь при этомъ на такомъ, которое „и въ случаѣ перемѣны мало потребовало бы перемѣны“ ²⁾. Не будучи противъ священства, онъ однакожь не рѣшается самъ подать просьбу объ опредѣленіи на мѣсто священника „опасную, по его мнѣнію, для просителя“, а предоставляет хлопотать о томъ самимъ прихожанамъ, полагаясь во всемъ на волю родителя ³⁾. Изъ писемъ В. М. Дроздова къ родителю не видно, просили ли Коломенскіе граждане митрополита Платона объ опредѣленіи къ нимъ во священника студента богословія Дроздова, и если просили, то, по всей вѣроятности, имъ было отказано. Вторичная просьба Коломенскихъ гражданъ о томъ же предметѣ въ 1807 г., конечно, уже не могла имѣть успѣха. Митрополитъ Платонъ слишкомъ дорожить своимъ любимымъ учителемъ и проповѣдникомъ, чтобы согласиться на исполненіе желанія Коломенскихъ гражданъ. „Какъ же дамъ я вамъ его! Я берегу его на свое мѣсто“, сказалъ Платонъ просителямъ ⁴⁾. Самъ учитель не могъ уже теперь не сознавать и не замѣчать, что предъ нимъ открываются другіе, болѣе широкіе горизонты. Въ немъ уже достаточно воспиталось, опредѣлилось и созрѣло призваніе къ другому, болѣе высокому служенію церкви. „Мои обстоятельства, пишетъ онъ къ родителю, и мои мысли при настоящемъ случаѣ не согласуются съ тѣмъ, что вы мнѣ предлагаете. Я не имѣю никакой надежды быть уволенъ такъ скоро отъ моего мѣста. Кромѣ сего, предложенія вашего не принялъ бы ни одинъ изъ нашихъ студентовъ. Однако не думайте, будто гордость произнесла сію послѣднюю мысль, или глупая на себя надежда. Увѣряю васъ съ тою же искренностію, съ которою доселѣ открывалъ свои мнѣнія, что если бы за полгода твердо

¹⁾ „Я хотѣлъ бы быть ближе къ вамъ, пишетъ онъ къ родителю, хотя это и не безъ трудностей. Москва хотя и льститъ, но не привлекаетъ меня. Жизнь вашего города тише, и болѣе мнѣ нравится (см. письмо 40-е.)

²⁾ См. письмо къ род. 60.

³⁾ См. письмо къ род. 39-е.

⁴⁾ См. Снегирева „Жизнь м. Платона“, ч. 1-я, стр. 62.

зналъ я желаніе ваше видѣть меня въ подобномъ предлагаемому нынѣ мѣстѣ, употребилъ бы всѣ силы отдалить препятствія, которыя могли бы встрѣтиться въ исполненіи онаго... Я буду говорить о семъ болѣе, когда увижусь съ вами. А прихожанамъ объявите мою благодарность за ихъ благосклонность, присовокупивъ, что мои обстоятельства не позволяютъ никакъ мнѣ пользоваться ихъ вызовомъ“¹⁾.

ГЛАВА IX.

Рѣшеніе В. М. Дроздова вступить въ монашество. Задатки расположенія къ монашеству въ предшествующей его жизни. Особенная любовь митрополита Платона къ монашеству и обычай его склонять къ вступленію въ иночество семинарскихъ наставниковъ. Состояніе нерѣшительности В. М. и внутренняя борьба съ самимъ собою. Отношеніе родителя В. М. къ намѣренію сына. Рѣшительный шагъ — подача митрополиту Платону прошенія о постриженіи въ монашество и послѣдовавшее на то разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. Постриженіе въ монашество и посвященіе въ іеродіакона. Состояніе духа и образъ жизни новаго инокъ. Отношенія къ нему митрополита Платона. Предстоящая іеродіакону Филарету разлука съ его духовнымъ отцомъ, покровителемъ и руководителемъ. Плоды восьмилѣтняго пребыванія въ Троицкой Лаврской семинаріи для ея знаменитаго питомца и учителя.

1808 годъ ознаменовался для В. М. Дроздова важнымъ событіемъ — рѣшеніемъ его посвятить себя иноческой жизни.

По всему видно, что мысль о монашествѣ запала въ его душу еще задолго до его окончательнаго рѣшенія. Располагать къ ней могли и природныя его свойства, и обстановка его ранняго воспитанія, и еще болѣе — среда, въ которой онъ очутился тотчасъ по переходѣ въ Лаврскую семинарію. Еще въ первый годъ по поступленіи въ нее, будучи семнадцати лѣтъ, онъ обнаруживаетъ аскетическія расположенія. „Иногда“, пишетъ онъ въ письмѣ къ родителю отъ 15 ноября 1800 года, „одинъ съ моею скукою, ходя по обнаженному саду, погружаюсь я въ мрачную задумчивость и на всякомъ предметѣ, на который устремляется мысль моя, кажется, читаю слово мудраго: Vanitas vanitatum!“²⁾. Черезъ два года послѣ сего, по поводу сообщен-

¹⁾ См. письмо къ род. стр. 114.

²⁾ Т. е., суета суетъ, см. письмо къ род. 6-е.

ныхъ изъ родительскаго дома извѣстій о какихъ то непріятныхъ житейскихъ отношеніяхъ, онъ пишетъ къ родителю, что „они подають ему случай внимательнѣе размыслить о свѣтѣ“. „Я представляю, говорить онъ далѣе, что и я нѣкогда долженъ вступить на сію сомнительную сцену, на которую теперь смотрю со стороны, гдѣ нерѣдко невѣжество и предразсудокъ рукоплещеть, освистываетъ злоба и зависть... И мнѣ идти по сему пути, гдѣ мечутъ подъ ноги то камни, то золото, о которыхъ равно удобно претыкается неопытность или неосмотрительность“¹⁾). Но этотъ довольно мрачный взглядъ на жизнь въ мірѣ еще не исключаетъ колебаній и борьбы В. М. съ самимъ собою при выборѣ жизненнаго пути. Когда граждане коломенскіе предлагаютъ ему мѣсто священника Вознесенской, въ Коломнѣ, церкви, онъ сильно колеблется²⁾). Эти столь естественныя въ молодомъ человѣкѣ колебанія и нерѣшительность постепенно побѣждаются и устраняются въ немъ сильнымъ воздѣйствіемъ на него извѣстнаго любителя монашества и ревнителя о немъ митрополита Платона.

Митрополитъ Платонъ, какъ извѣстно, выражалъ особенную привязанность къ наставникамъ монашествующимъ. Духъ монашества въ семинаріи Троицкой развитъ былъ при немъ въ сильной степени. Платонъ вѣрилъ и надѣялся, что высокіе образцы духовнаго подвижничества, прославившіе Троицкую обитель, возбуждаютъ духъ иноческой ревности въ обители науки и найдутъ въ ней достойныхъ любителей иночества, съ которыми тѣсно уживается и занятіе наукою. Последнюю мысль высказалъ Платонъ, когда еще былъ ректоромъ, императрицѣ Екатеринѣ, объявивъ ей, что онъ „избралъ монашескую жизнь по особой любви къ просвѣщенію“. Въ такихъ же видахъ духовно-ученой пользы внушалъ онъ и наставникамъ семинаріи Троицкой мысль объ избраніи жизни иноческой, и иногда по предмету сему очень рѣшительно высказывалъ свои убѣжденія, предполагая, что труженикъ науки, увлекаемый можетъ быть суетою жизни, не можетъ вполне уразумѣть и съ сочувствіемъ принять его

1) См. письмо къ род. 28-е.

2) См. письмо къ род. 37-е.

задушевныхъ убѣжденій ¹⁾). И вотъ, благодаря его вліянію, многіе изъ выдающихся воспитанниковъ его вступали въ монашество, хотя и не безъ внутренней борьбы съ самими собою. Жертва эта, приносимая ими на пользу Церкви, была тѣмъ похвальнѣе и цѣннѣе, что въ то время ученые были рѣдки, духовныхъ воспитанниковъ охотно принимали на государственную службу и открывали имъ дорогу къ почетной и привольной жизни. Для того, чтобы склонить къ этой жертвѣ, требовались особенное искусство и сила вліянія, и такими могущественными средствами вполнѣ обладалъ митрополитъ Платонъ. Прекрасно объясняетъ тайну этого вліянія митрополита Платона на молодыхъ семинарскихъ наставниковъ нашъ знаменитый проповѣдникъ. „Платонъ дѣйствовалъ, говоритъ онъ, не властію и насиліемъ, а убѣжденіемъ, которому трудно было противиться. Но важно то, что цѣлая половина силы этого убѣжденія скрывалась въ самыхъ воспитанникахъ митрополита Платона. Они воспитывались не подъ руководствомъ науки о вѣрѣ, а самой вѣры; они немного изучали книгъ о Священномъ Писаніи, но глубоко знали самое Писаніе. Они читали въ подлинникахъ великихъ истолкователей Писанія св. отцовъ; они изучали исторію Церкви не по краткимъ сухимъ учебникамъ, а по первоначальнымъ живымъ памятникамъ и источникамъ. Духъ аскетизма жилъ въ сердцахъ ихъ, ими отличались воспитанники Платона и въ бѣломъ духовенствѣ. Поэтому борьба въ выборѣ между свѣтскою жизнью и монашествомъ для нихъ принимала значеніе не противленія призванію, а просто искушенія слабой плоти и страстей, которое они преодолевали, и, принявъ трудный подвигъ, побѣдоносно его проходили“ ²⁾).

Что касается В. М. Дроздова, то изъ письма его къ родителю отъ 16 февраля 1806 года видно, что митрополитъ Платонъ въ то время уже склонялъ его къ принятію монашества ³⁾. Предложеніе шло отъ такого лица и по-

¹⁾ См. Ист. Тр. Сем. С. К. Смирнова, стр. 145.

²⁾ Изъ слова протоіерея А. І. Ключарева, произнесеннаго при погребеніи архіепископа Евгенія, бывшаго Ярославскаго, 30 іюня 1871 г., въ Москов. Донскомъ монастырѣ, ср. дневникъ самаго Евгенія, стр. 5—6.

³⁾ См. письмо къ род. 68-е.

ставляло въ перспективѣ такое служеніе, что нельзя было не задуматься. Привыкшій относиться всегда съ уваженіемъ къ совѣту родителя, В. М. спрашиваетъ его, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и, получивъ не довольно опредѣленный, въ общихъ выраженіяхъ составленный отвѣтъ родителя, что „все зависитъ отъ способностей и склонностей каждаго, которыя можно знать самому“, изливаетъ свою скорбь предъ родителемъ, что тотъ лишаетъ его прямого и опредѣленнаго совѣта ¹⁾). Онъ снова проситъ совѣта отца и удивляется, что тотъ долго ему не отвѣчаетъ ²⁾). Между тѣмъ митрополитъ Платонъ удваиваетъ свои ласки и вниманіе къ отпѣченному имъ даровитому наставнику. Крайне лестныя одобренія первыхъ двухъ его проповѣдей, разные подарки (платокъ, шелковый кушакъ, пара гранатовыхъ яблоковъ, свѣжій огурецъ — произведеніе ранней весны, большое искусственное яйцо, двадцатый томъ собственныхъ проповѣдей, полукафтаны и шинель, поясъ, ананасъ), обѣщаніе сдѣлать проповѣдникомъ слѣдуютъ одно за другимъ ³⁾). Крайне заинтересованный, какъ бы вывести его на настоящую дорогу (монашескую), митрополитъ Платонъ какими то особыми путями узнаетъ согласіе родителя В. М. относительно предлагаемаго его сыну званія прежде, чѣмъ тотъ выразилъ его самому сыну, чѣмъ послѣдній и удивленъ, и, какъ видно, отчасти огорченъ. В. М. испытываетъ какое то недовольство самимъ собою, холодность ко всему и сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ „человѣка, который стоитъ въ глубокую ночь на пустой дорогѣ, не хочетъ ни быть на одномъ мѣстѣ, ни подвинуться впередъ, и при слабомъ свѣтѣ звѣздъ размышляетъ о темнотѣ, — который однако желаетъ лучше ночевать съ людьми въ домѣ, нежели въ лѣсу одинъ или со звѣрями ⁴⁾“. Состояніе нерѣшительности продолжается довольно долго: онъ тщательно взвѣшиваетъ свѣтлыя и темныя стороны того и другаго состоянія. „Если бы я имѣлъ рѣшительное намѣреніе, пишетъ онъ родителю, Вы бы уже знали его. То, что я вижу и знаю, и къ чему

¹⁾ См. письмо къ род. 69-е.

²⁾ См. письмо къ род. 70-е.

³⁾ См. письма къ 57, 70, 81 84 и 99-е.

⁴⁾ См. письмо къ род. 70-е.

наклоняютъ меня, недовольно мнѣ нравится. Другое противное сему недовольно мнѣ извѣстно¹⁾. Родитель, повидимому, не прочь былъ благословить сына на жизнь иноческую, съ видимымъ предпочтеніемъ различая въ одномъ изъ писемъ къ сыну заботы объ одномъ себѣ отъ заботъ о многихъ, но сынъ еще желаетъ знать мнѣніе „о утѣшеніяхъ одного и утѣшеніяхъ многихъ²⁾“. Но настойчивый зовъ къ монашеству со стороны высокаго покровителя продолжается; милости его изливаются не только на сына, но и на отца, который по представленію владыки получаетъ награду изъ Святѣйшаго Синода³⁾. Есть намеки въ письмахъ къ родителю за 1806 годъ, что въ В. М. уже достаточно пустило корни намѣреніе принять монашескій санъ⁴⁾; но онъ еще затрудняется рѣшиться и ожидаетъ указаній Провидѣнія. „Меня затрудняетъ нѣсколько будущее, пишетъ онъ родителю, но я, не могши прояснить его мрачности, успокоиваюсь, отвращая отъ него взоры, и ожидаю, доколѣ упадутъ нѣкоторые лучи, долженствующіе показать мнѣ дорогу. Можетъ быть это назовутъ легкомысліемъ: но я называю это довѣренностію Провидѣнію. Если я чегонибудь желаю, и мнѣ встрѣчаются препятствія въ достиженіи предмета желаній: я думаю, что не случай толкнулъ ихъ противъ меня, и потому безъ ропота медлю, и ожидаю, что будетъ далѣе.— Мнѣ кажется, что *нѣсколько мѣтъ нерѣшимости прости- тельнѣе, нежели минута опрометчивости тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣлой жизни*. Пусть, кто хочетъ, бѣжитъ за блудящимъ огнемъ счастья: я *иду спокойно*, потому что я нигдѣ не вижу постояннаго свѣта.—Я предлагаю Вамъ сіи мысли, ожидая имъ справедливаго суда отъ Вашей опытности, и надѣюсь узнать современемъ Ваше мнѣніе⁴⁾“.

¹⁾ См. письмо къ род. 71-е.

²⁾ См. письмо къ род. 72-е.

³⁾ „Обстоятельства, которые закрыты непроницаемою завѣсою, или по крайней мѣрѣ чернымъ крепомъ (письмо 73-е);“ восклицаніе по поводу прибавки при назначеніи въ проповѣдники въ жалованье митрополитомъ Платономъ 50 р. „Подумайте о семъ новомъ и необыкновенномъ благодѣяніи и его слѣдствіяхъ: какія новыя права даетъ оно за мою признательность и покорность!“ (письмо 74-е).

⁴⁾ См. письмо къ род. 76-е.

Не малая борьба, какъ видно, происходила и въ душѣ отца при мысли и заботахъ о будущемъ сына. Оставляя, повидимому, на произволь сына выборъ будущаго званія, отецъ, должно быть не мечтавшій о будущемъ его величии и желавшій имѣть его около себя, не оставляетъ надежды видѣть его священникомъ гдѣ либо въ Коломнѣ. Прихожане желаютъ его, отецъ совѣтуетъ принять предложеніе и не мѣшкать, но въ сынѣ уже достаточно укрѣпилось сознание своихъ духовныхъ силъ и созрѣло намѣреніе посвятить себя иноческой жизни. Онъ благодаритъ за отеческое попеченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что „обстоятельства и мысли его не согласуются съ тѣмъ, что ему предлагаютъ“. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко. „Я не имѣю никакой надежды быть уволенъ такъ скоро отъ моего мѣста“, добавляетъ онъ въ письмѣ къ родителю ¹⁾. Наконецъ В. М. рѣшается послѣдовать зову своего высокаго покровителя. Извѣщая родителя о „сдѣланномъ важномъ шагѣ по своей волѣ, по довольномъ размысленіи“, онъ пишетъ: „Батюшка! *Василья* скоро не будетъ; но вы не лишитесь сына: сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнью, чувствуетъ важность воспитанія, и знаетъ цѣну вашего сердца... Безъ нетерпѣнія, но съ охотою, безъ радости, но съ удовольствіемъ я занимаюсь теперь нѣкоторыми приготовленіями къ преобразованію: но Высокій Благодѣтель отнимаетъ у меня часть сихъ попеченій“ и т. д. ²⁾.

Въ іюлѣ 1808 года В. М., будучи двадцати пяти съ половиною лѣтъ, подалъ митрополиту Платону прошеніе о постриженіи его въ монашество, въ которомъ между прочимъ такъ описываетъ путь, какимъ пришелъ къ сему намѣренію, а также и цѣль избираемаго званія: „обучаясь и потомъ обучая подѣ Архипастырскимъ Вашего Высокопреосвященства покровительствомъ, я научился по крайней мѣрѣ находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе

¹⁾ См. письма къ род. на стр. 113 и 114.

²⁾ См. письмо къ род. 100-е. По сохранившимся семейнымъ преданіямъ отецъ В. М., получивъ это письмо, до того былъ пораженъ и отчасти раздраженъ имъ, что хотѣлъ разорвать его и бросить въ огонь, и уже приступилъ было къ сему, но мать воспрепятствовала этому намѣренію.

расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испыталъ себя въ семь расположеніи въ теченіи почти пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской. И нынѣ Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, всепокорнѣйше прошу вашего Архипастырскаго благоволенія совершить мое желаніе, удостоя меня монашества“. Митрополитъ Платонъ, представляя это прошеніе Святѣйшему Синоду, отъ себя писалъ между прочимъ: „И я, по испытаніи его честныхъ и сановитыхъ нравовъ и отличнаго ученія, нахожу его способнымъ понести сіе состояніе и... Св. Правительствующій Синодъ покорно прошу онаго учителя, по его желанію и по требуемой пользѣ Церкви и училища, въ монашество постричь дозволить“¹⁾. Указомъ Св. Синода отъ 7 октября того же года это было дозволено. Потребное для предназначеннаго къ постриженію иноческое одѣяніе митрополитъ Платонъ приказалъ изготовить на свой собственный счетъ. И вотъ 16 ноября 1808 года, на утрени, въ трапезной Церкви Троице-Сергіевой лавры, намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Симеономъ, В. М. Дроздовъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета, а черезъ пять дней, 21 ноября, въ Виеніи, въ домово́й Сошестввенской митрополичьей церкви, инокъ Филаретъ былъ посвященъ митрополитомъ Платономъ въ іеродіакона²⁾.

Какъ уже давно обдуманнѣйшій и строго взвѣшенный шагъ принятіе монашества не произвело никакой особенной пе-

¹⁾ Митрополитъ Платонъ такъ желалъ видѣть своего излюбленнаго учителя скорѣе постриженнымъ въ монашество, что, дабы въ Святѣйшемъ Синодѣ не усмотрѣли препятствія къ постриженію въ лѣтахъ В. М. Дроздова (по правиламъ полагалось постригать въ монашество не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду), въ черновомъ представленіи о немъ въ Св. Синодъ, написанномъ на оборотѣ второго полулиста прошенія Дроздова, показалъ его родившимся въ 1778 году вмѣсто 1782—настоящаго года рожденія.

²⁾ См. дѣла учред. собора Троицкой Лавры 1808 года № 29. Ср. письмо въ род. 100-е. — Сушковъ (См. „Записки“, стр. 36) не точно сообщаетъ, что В. М. Дроздовъ былъ постриженъ 16 числа ноября *посль вечерни*, а также, что при посвященіи въ іеродіакона онъ былъ на 27 году жизни. Онъ постриженъ на утрени и лѣтъ ему было при посвященіи въ іеродіакона безъ 1 мѣсяца и 5 дней 26.

ремѣны въ инокъ Филаретѣ. Онъ и до сихъ поръ былъ уже на половину монахъ, а теперь, разъ *подъявъ руку свою на рало, уже не озирался вспять*. „Въ новомъ моемъ состояніи“, пишетъ онъ родителю, „я почти не вижу около себя новаго. Тотъ же образъ жизни; тѣ же упражненія; та же должность; то же спокойствіе, кромѣ того, что прежде, съ нѣкотораго времени, я иногда думалъ: *что-то будетъ?* А теперь и этого не думаю ¹⁾).

Митрополитъ Платонъ зорко и внимательно слѣдилъ за своимъ новымъ духовнымъ сыномъ, удвоилъ свои ласки къ нему и попеченія. Инокъ Филаретъ часто бываетъ у него запросто и въ лаврѣ, и въ Виѳаніи, гдѣ нѣсколько разъ и ночуетъ. „При всѣхъ сихъ случаяхъ онъ рѣдко видитъ начальника, чаще отца, паставника“ ²⁾.

Такое близкое общеніе съ знаменитымъ архипастыремъ московскимъ, безъ сомнѣнія, имѣло большое благотворное вліяніе на юнаго инока. Онъ наблюдалъ, учился, подражалъ, и, конечно, духовная связь его съ высокимъ покровителемъ становилась все тѣснѣе, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство должно было разлучить ихъ, лишивъ митрополита Платона утѣшенія самолично видѣть и наблюдать внутренній ростъ своего духовнаго сына, а послѣдняго лишивъ любвеобильнаго руководителя и ввергнувъ его въ круговоротъ жизни чуждой, лицъ неизвѣстныхъ, событій необычайныхъ какъ по ихъ быстротѣ и неожиданности, такъ и по ихъ важности.

Въ заключеніе нашего очерка восьмилѣтняго пребыванія излюбленнаго питомца Платонова въ Троицкой Лаврской семинаріи мы должны сказать нѣсколько словъ о плодахъ для него этого пребыванія. Признать, что іеродіаконъ Филаретъ имѣлъ оставить Троицкую обитель наукъ какъ корабль, столько нагруженный ученостью, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы“, по выраженію Св. Григорія Богослова о Св. Василии Великомъ, возвращавшемся изъ Аѳинъ послѣ полученнаго тамъ образованія,—было бы преувеличеніемъ. Сказать такъ вообще не позволяетъ самое

¹⁾ См. письмо къ род. 101-е.

²⁾ Тамъ-же.

состояніе русскихъ духовныхъ школъ того времени, даже лучшихъ, среди которыхъ, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ занимала Троицкая Лаврская семинарія. Самъ будущій святи- тель московскій, какъ мы видѣли, критически относится къ преподаванію своихъ бывшихъ лаврскихъ наставниковъ, какъ то: ректора архимандрита Августина, профекта и потомъ ректора Евграфа, лекаря Жукова. Если сужденія о первыхъ двухъ и произнесены были впоследствии, когда онъ самъ обладалъ уже обширною и глубокою ученостію, то во всякомъ случаѣ—на основаніи юношескихъ воспоминаній и впечатлѣ- ній. Изъ нихъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно видно, что жаждущая душа любознательнаго и даровитаго юноши, вос- принимаемая уроки лаврскихъ наставниковъ, оставалась не вполне удовлетворенною. Не удовлетворяла его, какъ видно, и вообще вся система преподаванія наукъ въ Лаврской семинаріи. При всѣхъ заслугахъ митрополита Платона для Лаврской семи- наріи, при всѣхъ заботахъ его замѣнить въ ней прежнее разсудочно-схоластическое образованіе болѣе плодотворнымъ новымъ, все еще оставались значительныя пробѣлы во всѣхъ отрасляхъ преподававшихся въ ней наукъ. Въ общемъ пре- подаваніи сохранялось еще въ значительной силѣ слѣпое и рабское слѣдованіе чуждымъ системамъ; мало и робко от- крывались новыя пути; цѣлыя науки, какъ напр., исторія, находились еще въ младенческомъ состояніи ¹⁾; постановка дѣла преподаванія не чужда была показнаго характера, вы- чурности, нѣкоторой какъ бы театральности; замѣтно было больше говоренье, чѣмъ проникновеніе въ самую сущность предметовъ. Впоследствии, въ письмѣ къ Гавріилу, архіе- пископу Тверскому, отъ 1827 г., митрополитъ Филаретъ пишетъ: „Если вы предпочитаете старый порядокъ училищъ, то я васъ не понимаю. Мы вмѣстѣ съ вами учились въ Лаврѣ. Что тамъ завиднаго? Вся премудрость состояла въ томъ, чтобы написать стихи къ 18 ноября. Богословію училъ насъ незрѣлый учитель по крайней мѣрѣ съ прилежаніемъ. А какъ учили насъ философіи? Что сказать о историческихъ

¹⁾ См. въ Филаретовскомъ Сборникѣ статью Андрея П. Смир- нова, „Митрополитъ Филаретъ, какъ авторъ начертанія Ц.-Библ. Исторія“, стр. 91.

наукахъ? Недостатокъ сей мнѣ чувствительнѣе, нежели вамъ, когда меня неучившагося заставили учить церковной исторіи¹⁾.

Но однакожъ самая строгость сужденія, произнесеннаго бывшимъ питомцемъ Лавской семинаріи о своемъ обученіи въ ней, свидѣтельствуешь, что не даромъ прошли для него годы семинарскаго ученія. Задаваемые часто и по разнымъ случаямъ сочиненія способствовали развитію его мышленія, приучали къ обработкѣ изложенія и, при усердіи и трудолюбіи, какими онъ всегда отличался, содѣйствовали приобрѣтенію навыка быть находчивымъ въ мысляхъ и словѣ — въ самыхъ разнообразныхъ и трудныхъ положеніяхъ. Самое главное здѣсь нужно, конечно, отнести на счетъ самообразованія. Что не дано было въ школахъ, то онъ самъ добылъ, благодаря рѣдкой любознательности и неустанному прилежанію. Чего не достигъ „обучаясь“, то приобрѣлъ „обучая“. „Первыя учебныя должности, какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витія. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библии познакомило его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвѣщенныхъ отцевъ греческихъ“²⁾. Раннее назначеніе къ проповѣдничеству и первые успѣхи въ немъ, поддержанные крайне лестными одобреніями авторитетнаго цѣнителя — митрополита Платона, способствовали развитію рѣдкаго проповѣдническаго дара, высоко цѣнимаго доселѣ: „неотъемлемыя достоинства его словъ и рѣчей — глубина мыслей, строжайшая ихъ связь и послѣдовательность, высота созерцаній, необыкновенная находчивость и какъ бы игра сильнаго ума въ сближеніи и противопоставленіи предметовъ рѣчи, слово кованое, или какъ бы отлитое въ форму“³⁾, безъ сомнѣнія началомъ своимъ восходятъ ко времени пребыванія его въ Троицкой лаврской семинаріи. Ясные слѣды этихъ высокихъ достоинствъ мысли и слова носятъ на себѣ

¹⁾ Чт. въ общ. Люб. Дух. Просв. 1871 г., апрѣля, стр. 48.

²⁾ Изъ слова о. ректора Моск. Дух. Акад. Прот. А. В. Горскаго предъ отцѣвашемъ митрополита Филарета.

³⁾ Изъ слова прот. П. А. Смирнова, по случаю столѣтняго юбилея митрополита Филарета.

первыя его лаврскія проповѣди, а также и многія письма его къ роднымъ изъ этого періода.

Наряду съ блестящимъ раскрытіемъ умственныхъ силъ должно поставить столь же блестящее раскрытіе силъ нравственныхъ, такъ же унаслѣдованное главнымъ образомъ отъ пребыванія въ Троицкой лаврской семинаріи. Отсюда онъ вынесъ „необыкновенную неутомимость дѣятельности, неусыпность мысли и нравственной крѣпости, неугасимую любовь къ труду и терпѣливость въ трудѣ“¹⁾—высокія качества, которыми онъ всегда отличался отъ утренней зари до самаго поздняго времени своей жизни. Сюда же относятся съ раннихъ поръ отличавшія его: собранность ума, трезвенность мысли, цѣлость и совершенная искренность его вѣры, непорочность и чистота сердца, постоянное *горніе духомъ, служеніе Господу*. Читая его письма къ роднымъ изъ Лавры, невольно удивляешься, какъ онъ не по лѣтамъ былъ сдержанъ въ сужденіяхъ, остороженъ въ мысли и словѣ, какъ умѣлъ пользоваться каждымъ обстоятельствомъ къ своему назиданію, какъ еще на утрѣ жизни мудръ былъ опытомъ. Въ отношеніяхъ къ другимъ у него еще со школьной скамьи проявляется вмѣстѣ съ сохраненіемъ собственнаго достоинства желаніе воздавать всѣмъ должное: уваженіе и почтеніе безъ лести, дружба и любовь безъ нарушенія истины и справедливости, шутка и иронія безъ колкости и язвительности. Поистинѣ можно сказать, іеродіаконъ Филаретъ оставлялъ на время Троице-Сергіеву лавру со всѣми задатками будущаго колосса, феномена своего времени. Вмѣстѣ съ высокими достоинствами умственными и нравственными онъ выноситъ отсюда необыкновенную дѣловитость, пригодность ко всякаго рода труду, способность быть выдающимся на всякомъ поприщѣ служенія родинѣ. Необыкновенно развитый умъ вмѣстѣ съ сильнымъ критическимъ талантомъ, широта сужденій и взглядовъ, способность къ оживленнымъ созерцаніямъ и вмѣстѣ практическая находчивость, твердость въ убѣжденіяхъ и мудрая умѣренность въ ихъ приложеніи къ дѣлу, тонкое чутье, гдѣ надобно настоять и гдѣ надо

¹⁾ Изъ слова протоіерея Ф. А. Сергіевского въ сороковой день памяти митрополита Филарета.

уступить для пользы дѣла, въ связи съ неустаннымъ трудолюбіемъ и терпѣливостью въ трудѣ, поставляли его въ возможность съ честію исполнить всякое серьезное порученіе, имѣть блестящій успѣхъ во всякаго рода дѣятельности. Если бы онъ былъ поставленъ на государственную службу, онъ безспорно былъ бы государственнымъ дѣтелемъ не ниже Сперанскаго. Если бы онъ отдалъ всю мысль свою какой либо наукѣ, онъ несомнѣнно обогатилъ бы ее многими открытіями и изобрѣтеніями. Но вмѣстѣ съ принятіемъ иночества онъ сугубо принесъ все свое духовное богатство на служеніе св. Церкви, всѣ плоды пріобрѣтеннаго знанія положилъ, по примѣру св. Григорія Богослова, къ подножію креста Христова.

Цѣна **50** коп.,
съ пересылкой **60** коп.

Продается у автора: Москва, Лефортово, здание 1го Московскаго Кадетскаго Корпуса, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.